

Центр проблемного анализа
и государственно-управленческого проектирования

Преподавание истории в России и политика

Материалы круглого стола

Москва
Научный эксперт
2010

УДК 316.772:32П72

ББК 60.000

П 78

П 78 Преподавание истории в России и политика. Материалы круглого стола. — М.: Научный эксперт, 2010. — 72 с.

ISBN 978-5-91290-140-9

В оформлении обложки использована репродукция Педро Берругете «Святой Доминик, сжигающий еретические книги» (XV в.)

УДК 316.772:32П72

ББК 60.000

ISBN 978-5-91290-140-9

© Центр проблемного анализа
и государственно-управленческого
проектирования, 2010

Содержание

С.С. Сулакшин. Вступительное слово ведущего 5

Вводный доклад

В.Э. Багдасарян. Раскол восприятия национальной истории в России 8

Выступления

А.И. Вдовин. Нас критикуют за государственный подход к российской истории..... 23

В.В. Журавлев. Встать вровень с передовыми странами Запада, оставаясь при этом Россией («национальная идея» и современные учебники истории) 27

С.Г. Кара-Мурза. Как хочется монополии государства на насилие 35

А.В. Репников. Должны быть национальные герои..... 38

Израэль Шамир. Битва за историю: подоплека «дела историков» 45

Д.В. Маслов. Преподавание истории в русле государственной политики 52

<i>П.П. Александров-Деркаченко. Демократия не может быть избирательной</i>	54
<i>Р.М. Иванова. Historики и публицисты о деле «Барсенкова и Вдовина»</i>	56
<i>Заключительное слово</i>	64
<i>Участники круглого стола «Преподавание истории в России и политика»</i>	68

Вступительное слово ведущего

*С.С. Сулакшин, доктор физико-математических наук,
доктор политических наук*

От имени организаторов «круглого стола» — Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования — хотел бы приветствовать участников и сделать несколько методических замечаний, задать смысловой коридор нашей работе. Тема «круглого стола» «Преподавание истории в России и политика». И мы действительно ощущаем в себе эту мысль и эмоцию. Предполагаем, что она имеет место во многих умах и душах и вызвана достаточно резонансной компанией по обсуждению учебного пособия А.С. Барсенкова и А.И. Вдовина «История России. 1917–2007», вышедшего два года назад, но попавшего в активную фазу общественного обсуждения в наши дни.

Снимая реплику с самого себя, хочется взмахнуть крепкой рукой и сказать: «Ну, мы вам сейчас, оппоненты, подадим! Общественной палате и другим гонителям светлых учений современности!». Но ничего подобного предлагается сегодня не предпринимать. Мы с вами на научно-экспертной площадке, которая сознательно и очень активно преследует системные, прозрачные, взвешенные основания и в научно-экспертной, и в экспертно-публицистической сфере деятельности, и в той сфере, в которой публицистическая деятельность плавно переходит в политическую и государственную. Из названия Центра вытекает, что его конечной интеллектуальной продукцией являются традиционные профессиональные рекомендации властям, отвечающие на вопрос: «Что делать?» А перед этим соответственно необходимо ответить на вопросы: «О чем речь, что происходит, почему происходит?» Понять причинно-следственные поля и потом сделать свои

рекомендации. Совершенно ясно, что никакой рекомендации дать невозможно, если в начале логической цепочки не идентифицируется ценность, только определенность с которой позволяет переходить к проблемной постановке, формулировать задачи, а затем и находить их решения.

Формы выработки и получения такого интеллектуального продукта разные. Одна из них «круглый стол», но хотелось бы призвать к такой смешанной форме, как «круглый стол» с элементами мозгового штурма. Есть два типа «круглых столов». Первый тип — это когда объявляется тема, а потом с замиранием сердца все ожидают великолепных, самоутверждающих речей, которые нужно потом сложить в одну смысловую коробку, что бывает очень трудно. Есть и второй подход, когда создается проблемный смысловой коридор, в котором собравшиеся интеллектуалы решают одну задачу. Не просто изложить свою точку зрения, блеснуть в очередной раз, а внести свой изыскательский вклад в решение задачи, которая решается сообща. Причем, как любая задача, будучи только поставленной, она в этот момент решения еще не имеет. Поэтому наша сегодняшняя работа не запрограммирована на конечный очевидный результат. Мы его получим только в результате предлагаемых двух часов работы.

Центр — это интеллектуальная площадка, которая не впервые подходит к проблеме истории как источника знаний, позволяющего осмысливать жизнь человека, сообщества, человечества, позволяющего отрабатывать научную методологию прогнозирования, проектирования, управления будущим. История — это и предмет изучения, и предмет науки и предмет преподавания. Участники «круглого стола» наверняка имели возможность познакомиться с нашей научно-методологической работой¹, в которой анализировалось состояние дел с преподаванием истории, с учебниками истории в России и в странах

¹ Багдасарян В.Э., Абдуллаев Э.Н., Клычников В.М. и др. Школьный учебник истории и государственная политика. М.: Научный эксперт, 2009. — 376 с.

СНГ. Главная мысль, которая из этой работы была вынесена, подтверждена и доказана и состоит в том, что учебник истории, в отличие, например, от учебника физики или химии, не может быть свободен от политической функции. Он не может быть выведен за рамки инструментария государственной политики. Это очень специфическая особенность. При этом сама тема — политика и знание, политика и преподавание, политика и вуз, политика и учебник — достаточно фундаментальна. Скажем, экономическая наука и практика абсолютно не свободны от первичной метрики добра и зла или точнее критериев, в соответствии с которыми эта политика формулируется. Знания, которые культивируются и воспроизводятся в школе и в вузе, наука, которая поставляет это знание — они тоже совершенно не свободны от практических проекций, связанных с действием института государства, с выработкой государственных политик как управленческих практик, а не только как политических шоу в борьбе за власть или самоутверждение и воспроизводство себя в этой власти. Поэтому, для «круглого стола» предлагается три смысловых направления работы. В их рамках есть целый ряд вопросов, которые сформулированы не для того, чтобы кому-то предписывать их в его намерениях на выступление, а для того, чтобы спровоцировать определенный диапазон обсуждения. Повторю, что эти вызовы не имеют пока окончательного решения. Они-то суть дискуссии и порождают, ее ядро. Диапазон вопросов довольно широк. Он затрагивает вопросы методологии учебного процесса и учебных материалов, вопросы формирования государственной политики и базовые ценностно-философские основания этих категорий, и достаточно актуальные вызовы, с которыми мы сегодня сталкиваемся и от которых, как ни хотелось бы, абстрагироваться невозможно. Существует и вопрос субъектности в поле настоящей дискуссии. Мы стремились пригласить за этот «круглый стол» ярких представителей полярных позиций.

Слово предоставляется профессору Вардану Эрнестовичу Багдасаряну.

**Раскол восприятия национальной истории
в России**

В.Э. Багдасарян, доктор исторических наук

История и власть: новая идеологическая инверсия

Предлагаю начать обсуждение заявленной темы с двух цитат политических государственных лидеров России, сделанных с интервалом в три года. Первая цитата из выступления В.В. Путина: «Что же касается каких-то проблемных страниц нашей истории — да, они были. Как они были в истории любого государства. И у нас их было меньше, чем у некоторых других. И у нас они не были такими ужасными, как у некоторых других. Да, у нас были страшные страницы. Но и в других странах пострашнее еще было. Во всяком случае, мы не применяли ядерного оружия в отношении гражданского населения, мы не поливали химикатами тысячи километров и не сбрасывали на маленькую страну в семь раз больше бомб, чем за всю Великую Отечественную войну, как это было во Вьетнаме, допустим. У нас не было других черных страниц как нацизм, например, и нельзя позволить, чтобы нам навязывали чувство вины».

И вот цитаты из выступлений нового политического лидера страны. Это уже принципиально иная интерпретация национальной истории. «В России, — говорит президент, — на протяжении веков господствовал культ государства и мнимой мудрости административного аппарата, а отдельный человек с его правами и свободами, личными интересами и проблемами воспринимался в лучшем случае как средство, а в худшем — как помеха для укрепления государственного могущества. Поэтому принятие в 1993 г. основного закона,

провозгласившего высшей ценностью человека его жизнь, его права и собственность, стало беспрецедентным событием в истории российской нации». И далее: «Вместо прошлой построим настоящую Россию, современную, устремленную в будущее молодую нацию, которая займет достойные позиции в мировом разделении труда».

Произошла, очевидно, некоторая инверсия восприятия на уровне руководства государства национального прошлого. И разобраться в этой инверсии и ее последствиях мы попытаемся далее.

История всегда идеологична

Национальная идея есть представление о прошлом, настоящем и будущем. В этом смысле идеология не может обойтись без истории, представления о прошлом. Эти представления даже находят свое отражение в конституциях различных стран мира. Взгляд на историю возведен на уровень основного закона. Так, Конституция Словакии апеллирует к наследию Кирилла и Мефодия, «завету Великой Моравии». В Конституции Хорватии содержится развернутый перечень всех исторических форм хорватской государственности, есть в ней и понятие «Отечественной войны», подразумевающее национальный конфликт на постюгославском пространстве. Исторические проекции содержатся и в Конституции Турции. Довольно подробно для правового документа представлена историческая канва построения социализма в Конституции Китая. Тот же подход был реализован в Советской Конституции. История, таким образом, выводится на уровень основного закона.

Определенные исторические пробы содержатся и в современной Конституции Российской Федерации. В частности, обращает на себя внимание следующая конституционная выдержка: «возрождая суверенную государственность России». Такая фраза подразумевает, что до принятия новой конституции прежняя советская модель государственности

была несuverенной, и отрицается тем самым факт исторической преемственности РФ по отношению к СССР. Фраза, несмотря на свою кажущуюся тривиальность, оказывается при ее анализе смысловым образом довольно нагружена.

Вместе с тем предпринятый анализ различных учебников истории показывает, что и без идеологии не может существовать история. В данном случае в качестве примера целесообразно сослаться на концепцию развития системы национального образования в Японии. Задачи исторического образования определяются в ней установкой «ковать патриотизм, объединять в одно целое народ и императора с его политикой, чтобы учащиеся знали какие этапы развития прошла страна, чтобы они понимали какое это преимущество быть японцем».

Посмотрим теперь характер ценностного содержания учебной исторической литературы за рубежом. Достаточно обратиться к учебникам истории в США. Реализуемая в них модель — это героическая версия развития американской нации. Факты, которые могли бы бросить тень на историю США, в ней тривиально отсутствуют. В американских учебниках нельзя прочитать:

- что отцы-основатели США почти все были рабовладельцами;
- что Авраам Линкольн, несмотря на позиционирование в качестве борца с рабовладельческим строем, заявлял о расовом превосходстве белого человека над черным;
- что Франклин Рузвельт в значительной степени спровоцировали Перл Харбор;
- что американские банкиры финансировали национал-социалистов;
- что проживающие на Тихоокеанском побережье США японцы подверглись во время Второй мировой войны массовой депортации.

Бывают, конечно, экспериментальные учебники, но это прецедентные случаи, не представляющие общей трафаретной схемы изложения американской истории.

Либеральная модернизация истории и национальное сопротивление

Идеологичными были всегда и учебники по истории России. Идеологичными — мы выдвигаем такой тезис — они остаются и теперь. Другое дело, какая это идеология? Что она собой представляет, можно понять по приводимому перечню названий разделов в ряде современных российских учебников истории:

- «Поиски обретения свободы»;
- «Крестьянство на Голгофе»;
- «Партийный диктат и культура»;
- «Партия — ядро тоталитарной системы»;
- «Промышленная модернизация в тоталитарном исполнении»;
- «Крах плановой экономики»;
- «Мировая революция и мировая война»;
- «Советско-германский сговор»;
- «Советская тюрьма народов».

Список можно продолжить. Идеологический компонент здесь обнаруживается со всей очевидностью. Это идеология либерализма.

Но в чем принципиальное отличие идеологических ориентиров российских учебников истории от американских или от японских? Везде в тех странах, которые мы анализировали, учебная историческая литература направлена на сакрализацию прошлого, на ее героизацию, акцентировку на светлых страницах, великих свершениях. То, что преподносится в учебниках у нас — это демонизация истории. Если называть вещи своими именами, это оплевывание собственного национального прошлого.

Но удивительно, что народ навязываемой либеральной версии истории не принял. Сложилось две антагонизменные модели национальной рефлексии прошлого — официально-учебная и народная.

Рассмотрим для иллюстрации сложившейся ситуации результаты резонансного телепроекта «Имя России» (рис. 1). Долгое время в рейтинге национальных героев лидировал, как известно, И. Сталин. И даже в итоговом деформированном виде в список 12 первых мест вошли и Сталин, и Ленин, и Иван Грозный — фигуры, традиционно дезавуируемые в либеральной историографии. Проект стал своеобразным индикатором нового национального раскола.

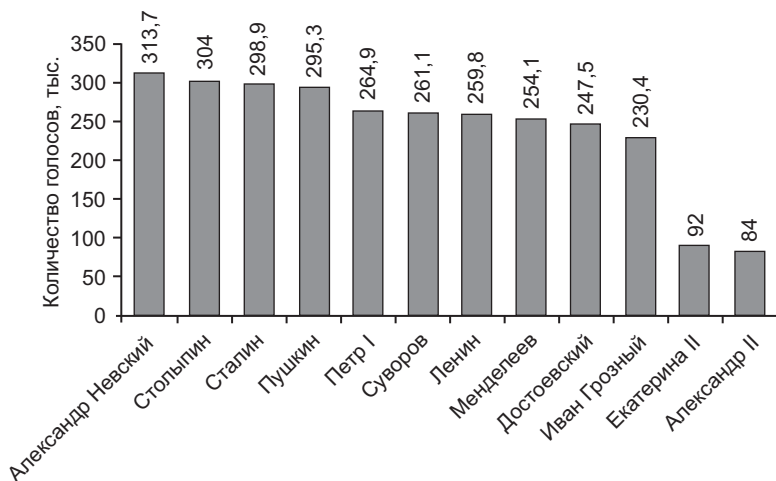

Рис. 1. Результаты голосования по проекту «Имя России»

Опрос Фонда общественного мнения 2005 г. по отношению общества к И.В. Сталину показал, что большая часть опрошенных относилась к данному историческому персонажу положительно (рис. 2). Сейчас эта тенденция народного восприятия, несмотря на продолжающуюся антисталинскую кампанию, только усилилась.

Такой же диссонанс фиксируется по отношению к Л.И. Брежневу и брежневскому периоду отечественной истории. Какие ассоциации вызывают они в современном российском социуме? Первые места в ассоциативном ряду — хоро-

шая жизнь, достаток, работа, позитивные эмоции, порядок, стабильность, спокойствие (рис. 3). Народ опять-таки иначе воспринимает эпоху Брежнева, чем трактует ее современная учебная литература.

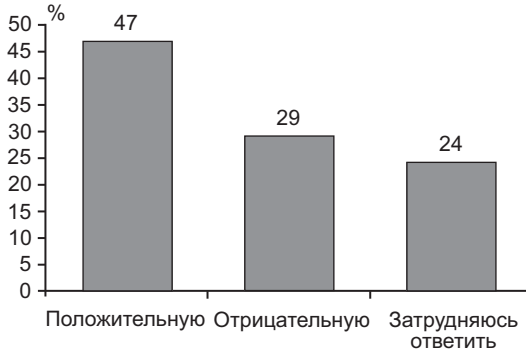

Рис. 2. Опрос ФОМ: Какую роль, на ваш взгляд, сыграл И.В. Сталин в истории России — положительную или отрицательную? (в % от числа опрошенных)

Рис. 3. Опрос ФОМ: Какие чувства, мысли, ассоциации возникают у Вас, когда Вы слышите имя Леонид Брежнев? (в % от числа опрошенных)

Широкий общественный резонанс вызывает проводимая на 5-м канале передача «Суд времени», построенная как столкновение двух обозначенных позиций. Фигуранты полемики — Л. Млечин и С. Кургинян. Несмотря на то, что либеральный концепт номинировал в значительной части учебников, здесь видно, что отношение народа совсем другое. Иначе как провал либеральной идеологии в России результаты народного голосования по оценке прошлого невозможно классифицировать. Народ навязываемой версии изложения истории не принял (рис. 4).

Рис. 4. Голосование телезрителей на программе «Суд времени»

И какова реакция номинированных «демократов» на результаты народного волеизъявления? Реакции ИНСОП достаточно хорошо известны. Народ наш, оказывается, не приспособлен к либеральной модернизации, не готов к ней ментально. Реакция Н. Сванидзе на «Суде времени» — сходная. Народ психологически болен, а его историческая рефлексия, соответственно, есть отражение этого нездоровья.

Вспоминается невольно риторика выступлений Н.И. Бухарина. Русский народ — «коллективный Обломов» — не годится для коммунизма. Для достижения коммунистического идеала нужен ментально другой народ. Соответственно, его обскурантистское христианское сознание следует поломать. Наиболее точная характеристика этой большевистской атаки на «Святую Русь» выражается понятием «русофобия». И вот сегодня предпринимается очередная попытка прививки народу ценностей космополитизма.

Симптоматично недавнее выступление Д.А. Медведева на форуме в Ярославле. Сказано было следующее: «Все те ценности, которых мы придерживаемся, должны иметь правовую рамку. Придание этим ценностям практической силы закона, который направляет развитие всех общественных отношений, т. е. задает главный ориентир общественного развития». Ценностям, а речь шла о стандартах демократии, намереваются придать — это слова президента — практическую силу закона! Что это, как не заявление о том, что либеральный концепт устанавливается, теперь уже открыто, в качестве официальной идеологии и даже идеологии законодательно номинируемой.

Почему объектом либеральной обструкции стал учебник А.И. Вдовина и А.С. Барсенкова

Проведенная реконструкция идеологического контекста подводит непосредственно к вопросу об учебнике Вдовина и Барсенкова. Почему в качестве объекта либеральной атаки был выбран именно он? Чтобы ответить на этот вопрос нами был проведен эксперимент. Для анализа мы взяли 6 различных учебников по истории России XX в. Рассчитанные средние показатели частотности употребления разных терминов делились на общее количество содержащихся в учебнике страниц. Та же операция осуществлялась по отношению к учебнику Вдовина и Барсенкова. Его специфичность,

выпадение из общего ряда в ценностном отношении есть очевидный, математически рассчитываемый факт. В учебнике Вдовина и Барсенкова оказалась в 2,3 раза больше среднего уровня частотность употребления слова «Родина», в 2,5 раза — «Отечество», в 10 раз — «держава», в 10 раз — «патриотизм». Обнаруживается, таким образом, существенный диссонанс прецедентной книги двух профессоров МГУ и по отношению к общей генерации либеральных учебников. И становится понятным, почему именно она была выбрана в качестве жертвы либеральной обструкции (рис. 5).

Рис. 5. Частота употребления терминов, связанных с темой патриотизма, коэффициент частотности (количество упоминаний к страницам учебника)

Что же ставится в вину авторам? Прежде всего, речь идет об акцентировке национальной проблематики. Частотный анализ показывает, что национальные идентификаторы присутствуют в учебнике Вдовина и Барсенкова значительно чаще, чем в прочей исторической учебной литературе. Русские, евреи, чеченцы, ингуши — практически по всем этнонимам частотность употреблениякратно выше (рис. 6). Но

что с того? Концептуальное осмысление истории может быть различно. Кто выступает основным субъектом исторического процесса? Государство, великие персоналии, классы, элитаристские группы, этносы? Универсального подхода нет. Вдовиным и Барсенковым была взята концепция, где основным субъектом истории выступают этносы. Такой подход имеет, по меньшей мере, право на существование.

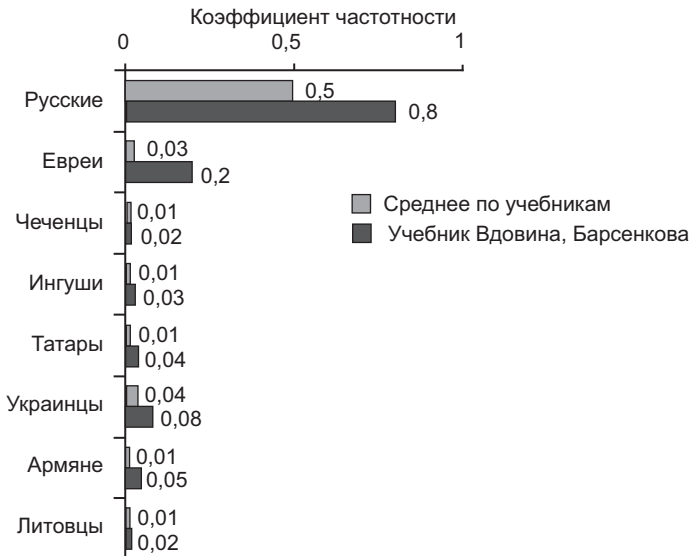

Рис. 6. Национальные идентификаторы в учебниках истории, коэффициент частотности (количество упоминаний к страницам учебника)

По частотности употребления религиозно-конфессиональных идентификаторов учебник Вдовина и Барсенкова также заметно отличается от остальной учебной литературы (рис. 7). Фактор религиозной идентичности во вдовинской версии истории более значим, нежели, к примеру, социально-групповой. Почему это неприемлемо?

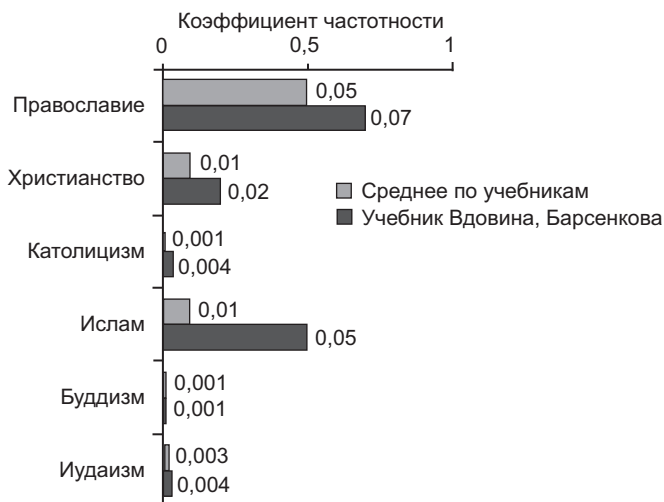

Рис. 7. Религиозные идентификаторы в учебниках истории, коэффициент частотности (число упоминаний к страницам учебника)

Жупел этнических конфликтов

В истории России, как и любой другой страны, имеется ряд острых вопросов, связанных с межэтническими взаимоотношениями. Должны ли они получить отражение на страницах учебников? Одна позиция состоит в их стыдливом замалчивании либо одностороннем освещении. В современном российском случае односторонность, как правило, состоит в изобличении «великорусского черносотенного шовинизма», но то, что он являлся зачастую ответной реакцией на проявление национализма малых народов остается за условными рамками допустимости учебных курсов. Иное дело учебник Вдовина и Барсенкова. Негласное табу на рассмотрение исторических фактов этнических конфликтов его авторами не принимается. И действительно, многое в нашем прошлом, лежащее в плоскости истории этноса, должно быть, по меньшей мере, объяснено. О том, что проблема такого

рода существует, обнаруживается хотя бы по данным представительства национальных меньшинств в высшей политической элите государства. Эмпирической основой проводимого расчета послужили материалы анкетирования членов ЦК правящей партии. Анкетные данные в СССР включали, как известно, графу о национальной принадлежности («пятый пункт»). Именно эта самоидентификация представителей ЦК по партийным анкетам и послужила основанием для расчета удельного веса различных национальностей в советской политической элите¹. Никакой конспирологии. Что мы в итоге проводимой графической проекции обнаруживаем? В точках кризиса государственности обнаруживается тенденция максимизации представительства национальных меньшинств в высшей политической элите (рис. 8). Данный факт нужно каким-то образом объяснить. И очевидно, что учащиеся-историки Московского государственного университета и других вузов страны, имея в виду и те горячие точки, которые возникают на этнической почве, должны знать данный феномен и уметь его интерпретировать.

История как инструмент нациостроительства

Если мы обратимся к исторической учебной литературе республик «ближнего зарубежья», то увидим, что фактически все они акцентированы на проблеме нациостроительства.

¹ Центральный Комитет КПСС. М., 2005; *Абрамов А.* У Кремлевской стены. М., 1987; *Герои Октября: Биографии активных участников подготовки и проведения Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде.* Л., 1967: В 2 т.; *Герои Октября. Книга об участниках Великой Октябрьской социалистической революции в Москве.* М., 1967; *Депутаты Верховного Совета СССР.* М., 1958, 1962, 1966, 1970, 1974, 1979, 1984; *Ивкин В.И.* Государственная власть СССР. Высшие органы власти и управления и их руководители 1923–1991: Историко-биографический справочник. М., 1999; *Минаков С.Т.* Советская военная элита 20-х годов. Орел, 2000; *Народные депутаты СССР.* М., 1990; *Чернев А.Д.* 229 кремлевских вождей. Политбюро, Оргбюро, Секретариат ЦК. Компартии в лицах и цифрах. М., 1996.

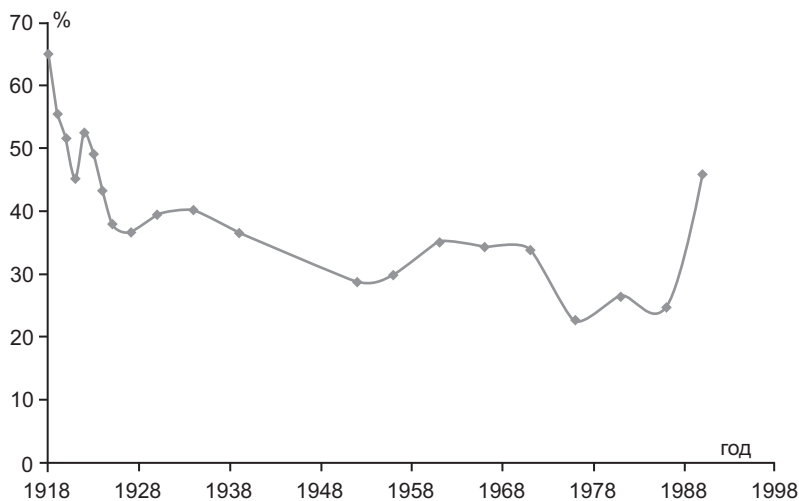

Рис. 8. Представительство национальных меньшинств в высшей политической элите

Вопрос взаимоотношения этносов для них ключевой. И это вполне понятно, имея в виду решаемые соответствующими государствами задачи формирования национальной идентичности. Как и в России, на украинском телевидении был реализован проект определения народом героя нации — «Великие украинцы». Показательно, какие фигуры вошли в перечень 12 первых мест. Здесь есть и Степан Бандера, и Вячеслав Черновол, и Иван Мазепа, и Роман Шухевич. Этническая тема, судя по номинированным персонажам, оказывается для современных украинцев весьма значимой. Почему же она не должна быть представлена в российских учебниках?

В подтверждение существования определенного вектора исторического дискурса в странах «ближнего зарубежья» приведу цитаты из разных учебников. Литовский учебник: «Литовцы каждого русского считали непорядочным

человеком»². Азербайджанский учебник: «Очень скоро грузины почувствовали плоды «помощи» русских. В 1770 г. русские начали бесчинствовать в Грузии и грабить население»³. Узбекский учебник: «Местное население Туркестана, — описывается отношение русских колонизаторов к местному населению, — стоит на низшей ступени своего умственного развития. Они еще не созрели, слишком невежественны, чтобы понять и оценить свои права при избрании администрации государств. Они не могут пользоваться правами, предоставленными им законами общества, это право действует им лишь во вред. Исходя из такой шовинистической точки зрения, русские колонизаторы относились к народам Туркестана как к низшему классу и пытались держать их в постоянном повиновении, выбрав путь политического, экономического и военно-административного произвола»⁴. И далее, выдвигается проект турецкой альтернативы: «Время разбросало народы от Восточного Туркестана до Сибири и Волги, от Туркестана до Балкан, от Балкан до Малой Азии. Китай и Россия издавна не желали политического, экономического и военного объединения, вносили раздор между этими народами, превратили Восточный и Западный Туркестан в свою добычу. Наши братья в Турции сумели сохранить свою независимость. После завоевания Туркестана царской Россией были приняты все меры, чтобы создать трещины в вековом родстве народов. Уничтожение родства Туркестана и Турции стало одним из главных направлений государственной политики. Как царская Россия ни старалась, она не смогла добиться полного уничтожения этой кровной связи»⁵. Идеологический концепт, судя по приведенным фрагментам, очевиден.

² Lietuvos istorija / Red. A. Šapoka. Vilnius: Mokslas, 1989.

³ Йени тарих. 9 синиф. Баку, 2001. С. 205.

⁴ Рахимов Ж. История Узбекистана (Вторая половина XIX века — начало XX века): Учебник для 9 класса общеобразовательной школы. Ташкент, 2001. С. 164.

⁵ Там же. С. 244.

Возникает вопрос: а что же Россия? Почему при общности решения посредством исторической учебной литературы нациостроительских задач тема национальных взаимоотношений и национальной идентификации не должна быть представлена в учебниках российской истории?

О необходимости «священной истории»

Восприятие истории прошло исторически несколько стадий (рис. 9). Первоначально она воспринималась как сакральная категория — «священное прошлое». Далее ее восприятие выстраивалось через раскрытие смыслов исторического процесса. Далее история становится преимущественно информацией, совокупностью фактов. В следовании «историческим фактам» видят путь формирования должного учебника по истории и современное руководство государством, но факты всегда интерпретируемы. Из позиционирования истории как информации следует ее понимание как интерпретации. Каждый сам себе историк, каждый пишет историю как ему заблагорассудится. Дисциплинарный кризис очевиден. Концепт его преодоления может состоять в восстановлении изначальных, утраченных функций истории. Учитывая все накопленные знания по добыванию и обработке исторической информации, необходимо вернуться к ценностной матрице священной истории. Именно она и станет основой восстановления находящейся в состоянии эрозии российской цивилизационной идентичности.

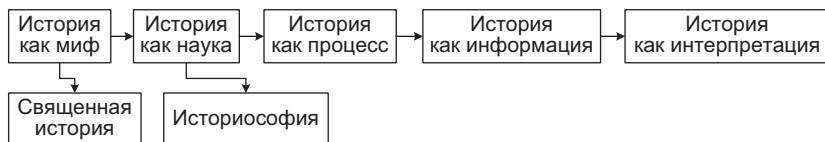

Рис. 9. Эволюция моделей восприятия истории

Нас критикуют за государственнический подход к российской истории

А.И. Вдовин, доктор исторических наук

На сегодняшний день в отношении нашего учебника существует множество оценок самого разного свойства. О многих содержательных поворотах в его трактовке мы не подозревали при его создании. Сама развернувшаяся полемика может служить предметом специального анализа. На вчерашний день зафиксировано 220 статей, откликов и прочих материалов на эту тему. Дело будущего их посмотреть с точки зрения контент-анализа.

Что касается существа дела. Мы на такое внимание к нашему учебнику, конечно же, не рассчитывали. Тем не менее, необходимо сориентироваться в ситуации, которая складывается в обществе. Мы живем в эпоху идеологической смуты, когда одни представления разрушены, другие еще не сложились. И со стороны власти намерения по ее преодолению никак не освещены. Такая же ситуация наблюдалась с 1917 по 1934 г., когда у нас история была запрещена как предмет преподавания. Когда ее восстановили в этих правах, решался вопрос, на каких основах вести ее преподавание. И только в 1937 г. у нас появился первый учебник для 3–4 класса, который заложил идеологемы, распространившиеся в дальнейшем во всех учебных пособиях и других учебных материалах. Это указывает на то, как долго вырабатывался подход к оценке перелома, который произошел в 1917 г., и как долго формировались положения для новых идеологем.

Соответствующие аналогии можно обнаружить по отношению к осмыслению событий 1991 г. Сразу после 1991 г. существовали, условно говоря, две партии. Первая — либеральная, легитимизирующая новую власть и новые подходы.

Вторая же партия стояла одной ногой в прошлом, обращаясь к советскому опыту и опыту коммунистической партии. Они незримо присутствовали, противопоставляя друг другу свои позиции во всех областях и в учебном процессе тоже. На некоторое время страна онемела. В 1992 г. у нас не было даже выбора, не было никаких учебников, созданных с учетом новой ситуации.

Какая-то обобщающая литература впервые появилась только в 1994 г. Потом в связи с указаниями сверху все стали упражняться кто во что горазд. Со временем из этого плюрализма можно было бы отобрать настоящие находки. Но фактически каждый уважающий себя эксперт стал изобретать для своей паствы в количестве 150 человек какие-то собственные объяснительные версии. Можно с уверенностью сказать, что ни одно министерство не прочитало до сих пор все эти учебники. Что касается ведущих профильных научных центров, то они тоже имеют свое представление о том, каким должен быть учебник о российской истории. И РГГУ, и Академия госслужбы, и Санкт-Петербургский университет, и Ростовский университет имеют свой учебник. У Саратовского университета, например, тоже свой собственный подход. Мы имеем сейчас самое большое разнообразие мнений и подходов, что кажется совершенно естественным и закономерным. Власть по сути дела сама еще никак не может выработать идеи, которые нужно транслировать в обществе. Сначала во времена Путина мы пошли по пути приближения к государственно-патриотической точке зрения и оценке нашего прошлого с позиций государственничества как главной ценности. В нынешних условиях все качнулось в сторону либеральных ценностей. Намечается существенное различие в подходах, которые складывались во время президентства Путина, с тем, что мы наблюдаем сейчас. Мы в своем учебнике представили подход, который складывался в имперское время, и сейчас оказались «не ко двору» с нашими попытками отразить новую ситуацию, глядя на прошлое.

Каждая новая власть стремится подчеркнуть свою ценность, свою значимость. Иначе незачем было бы и власть брать. Наши правители до сих пор упражняются в том, чтобы свои достоинства демонстрировать на фоне того, что было неприемлемо 70 лет советской власти или на последнем ее этапе. Когда мы создавали свои учебные пособия, мы от этой негативизации отказались и пошли по пути преемственности истории и всех тех ценностей, которые так или иначе были актуальны на разных этапах досоветской, советской и постсоветской истории. Но такой объективизм, как показывает реакция на этот учебник, оказался не очень востребован.

Итак, в чем нас обвиняют? Звучат голоса о логической несостоятельности тех основ, на которых построено учебное пособие. Мы в предисловии к изданию формулируем свое отношение к различным подходам освещения российской истории. Синергетический подход мы взяли за основу, чтобы не быть причастными к крайним версиям, имеющим изъяны с точки зрения перспектив мирового развития каждой страны. Фактически все свелось к тому, что мы сохранили методологический стержень краткого курса. То есть, если мы видим в прошлом что-то положительное, то акцентируем внимание именно на этом. Но эта попытка позитивного освещения и вызвала поток критики. Здесь отметился и академик Пивоваров, и заместитель директора Института российской истории Лавров. Навешиваются ярлыки о том, что это просоветский, прокоммунистический и просталинский, само собой разумеется, учебник. Мы не являемся сталинистами, мы просто пытались найти в нашем историческом прошлом те реальные достижения, которые были у страны за годы советской власти. Мы не пытались изобразить путь советской истории тупиковым. При нынешнем раскладе мы оказались просоветскими и прокоммунистическими, хотя к коммунистической партии мы официально не принадлежим и такую цель не ставили. Однако нашим оппонентам пред-

ставляется, что мы целиком находимся на этой стороне. Не нравится наша позиция — государственная, продержавная, почвенническая, которая так или иначе обнаруживается на страницах учебника.

То, что в учебнике в значительной степени присутствуют национальные моменты, объясняется тем, что я, как один из авторов, последние 20 лет занимался национальными сюжетами, национальными вопросами и включил все свои наблюдения в учебное издание. Я думаю, что имел на это законное право, поскольку учебное пособие предполагает не строгое следование программе, а свободное изложение материала, того, что интересно. Но этот интерес нам вышел боком, поскольку мы затронули целый ряд тем, которые оказались неприемлемыми. Например, то, что касается участия евреев в нашей истории и политической жизни. Чеченский вопрос совершенно неожиданно для нас стал основной претензией к нашему учебнику и к нам лично. Нас обвинили в том, что мы извратили суть дела, указав на цифру в 69% чеченцев, отклонившихся от призыва в Советскую армию во время войны. Это посчитали оскорблением национальных чувств, национального достоинства. Говорилось даже об уголовном преследовании за разжигание национальной розни.

В нашем учебнике, конечно же, не все идеально. Каждая цифра обязательно должна соответствовать исторической истине, но любой научный труд и учебное пособие предполагает и ошибки в приближении к этой истине. Уважаемые исследователи посчитали вдоль и поперек все, что содержит наше пособие. Насчитали 200 тыс. фактов, около 2 тыс. имен исторических персонажей. Мы полагаем, что никаких крупных фактических ошибок мы не допустили. Есть реальные ошибки, которые мы готовы признать и исправить. Они очень легко поддаются исправлению. Такая ошибка была допущена, в частности, по отношению к Черчиллю. Но атомное оружие от этой ошибки не перестает быть политической реальностью, а потому истины она не подменяет.

Нас критикуют и вдоль и поперек с либеральной точки зрения. Но в целом критикуют за просталинский, просоветский и прокоммунистический подход. Для критиков оказывается неприемлем государственный подход, неприемлемо наше писательское право писать историю с точки зрения интересов государствообразующего народа. Само понятие государствообразующий народ для нашей страны, для СССР, для России является якобы умалением других народов, которые живут в нашей стране и на равных участвуют в создании и развитии государства. В принципе это очень важный момент. В Министерстве национальностей неоднократно пытались узаконить это положение специальным законом о русском народе. Я там долгое время значился экспертом. Ничего из этого не получилось, поскольку всегда находились оппоненты. Надо или не надо признавать факт государствообразующей роли русского народа? До сих пор он не признан. И это большое упущение нашего времени.

**Встать вровень с передовыми странами Запада,
оставаясь при этом Россией
(«национальная идея» и современные учебники
истории)**

В.В. Журавлев, доктор исторических наук

Слова, поставленные в заголовок, я лично вывел для себя в качестве рабочей формулы для истолкования внутреннего содержания понятия «национальная идея», которое с давних пор и по сей день вызывает жаркие дискуссии. Искать стержневую идею нашего существования и развития сегодня предлагают в широком диапазоне — от футбола до нанотехнологий. Начинать с утверждения своего варианта

данной формулы, участвуя в обсуждении проблем учебников по отечественной истории, мне представляется вполне логичным, ибо она обращает наше внимание на главный, исходный для настоящего разговора вопрос о *социальных функциях* исторического знания. Проблему эту, как мне представляется, необходимо включить в повестку дня в русле заявленной организаторами настоящего обсуждения подтемы «Национальный учебник истории и государственная политика».

Проще говоря, для чего создаются учебники? На уяснение и разрешение каких первостепенных сторон нашей жизнедеятельности, коллизий сегодняшнего дня и задач, ориентированных в будущее, объективно нацелено наше обращение к прошлому? Какое отношение имеют дискуссионные вопросы исторического знания и исторического образования к терзающим нас сегодня проблемам и задачам укрепления и совершенствования общественных и государственных устоев?

Из гораздо более значительного перечня социальных функций исторического знания хотелось бы остановиться на трех, как мне представляется, важнейших.

Первая, ближайшая и самоочевидная для всех стран и всех народов, функция исторического знания и исторического образования заключается в формировании у подрастающих поколений, выражаясь языком XIX столетия, «*гражданских добродетелей*»: патриотизма, национальной гордости и солидарности, толерантности, всего того, что в итоге способствует консолидации общества.

Вторая функция исторического знания состоит в формировании у человека и гражданина современного общества того, что я бы назвал *историзмом мышления*, а именно — сознательной или интуитивной способности оценивать все, что происходит с обществом и с ним — человеком — лично, с позиций опыта и уроков истории: не наступать повторно и множество раз на одни и те же «грабли»; не выбивать с раз-

маху двери, которые можно вполне открыть «ключами» социальной и политической мудрости; будучи нацеленным на новации, не забывать о традициях; не начинать каждый новый этап в развитии общества с белого листа.

Наконец, третья по счету, но не по важности, функция исторического знания состоит в том, чтобы на каждом зигзаге истории содействовать обществу, предоставляя ему исторические аргументы, в трудном процессе выбора из множества альтернатив общественного прогресса своего национального пути развития; всячески помогать в осознании цивилизационной и обретении модернизационной идентичности на базе определенной *национальной идеи*.

В дискуссиях последних двух десятилетий центральной темой подобного рода обращений к опыту и урокам прошлого была и остается проблема «Россия — Запад». Напомню, что почти два года назад — в ноябре 2008 г. — проблема эта обсуждалась и на семинаре «Цивилизационный контекст и ценностные основания российской политики» в Центре проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования при Отделении общественных наук РАН, где мы собрались и сегодня. В ходе обсуждения доклада А.Г. Дугина прозвучали различные, дискуссионные по отношению друг к другу, но, на мой взгляд, не взаимоисключающие мнения.

Вот некоторые из них.

«Не в Западную Европу надо стремиться России (и не противопоставлять себя ей), а в цивилизацию, которая базируется на общих с Европой, а, возможно, и всего человечества, универсальных основаниях» (В.М. Межуев).

«Мы сами все время боимся сказать «русские» как цивилизация, все время пытаемся каким-то образом уйти от слова «русский», чтобы никого не обидеть... У меня множество друзей самых разных национальностей и вероисповеданий, следовательно, это ни в коем случае не проявление национализма, это просто-напросто констатация факта» (В.И. Якунин).

«...Россия — это именно **европейский и христианский субъект, альтернативный Западу**, — Западу, который стремительно дехристианизируется и деевропеизируется (в культурном и расовом отношении...)» (А.И. Фурсов).

«Народы и цивилизации могут жить рядом как добрые соседи, оставаясь при этом разными» (А.А. Галкин).

«На поставленный С.С. Сулакшиным в ходе настоящей дискуссии вопрос: может ли исчезнуть то, что разделяет сегодня Россию и Запад, мне хотелось бы отреагировать следующим образом: эти различия не исчезнут, но со временем, с обретением нашей страной своей модернизационной идентичности и стратегии органического развития, могут стать для нас несущественными» (В.В. Журавлев).

«Россия неоднократно предпринимала попытки стать Европой (= Западом). Эти попытки не увенчались успехом... Таким образом, вопрос заключается не в том, является ли Россия Европой или нет, а в том, что Европа Россию европейской страной не считает. В Европу Россию не пускают и не пустят. Из этого, собственно, и надо исходить» (В.Э. Багдасарян)¹.

Общее в этих неоднозначных постановках мне видится в том, что пути решения проблемы «Россия — Запад» предлагаются не в виде призывов к поглощению одной составляющей другой и не в форме их категорического противопоставления, а в направлении познания алгоритма их диалектического взаимодействия.

Переходя к проблеме учебников по отечественной истории, хочу вернуться к поставленной в заголовок данного выступления формуле — **«Встать вровень с передовыми странами Запада, оставаясь при этом Россией»**. Ее правомерно, на мой взгляд, рассматривать как выражение объективно сохранявшейся на протяжении веков вплоть до настоящего времени, хотя и принимавшей различные идеологические формы и конкретно-исторические черты, ***ведущей целевой***

¹ См.: Россия и Запад: Что разделяет? Материалы научного семинара. М.: Научный эксперт, 2009. Вып. № 7 (16). С. 86, 96, 106, 115, 127, 139.

установки российского исторического процесса. Поэтому есть все основания рассматривать данную формулу в виде организующего начала, «путеводной нити» как в истолковании основного вектора в ходе познания опыта и уроков отечественного исторического опыта, так и в определении концептуальной направленности при создании школьных и вузовских учебников по истории России.

Важно коснуться еще одного вопроса, который требует прояснения в связи с проблемой социальных функций исторического знания и путей, форм реализации этих функций в рамках учебников по отечественной истории. Это вопрос об *идеологическом наполнении* наших учебников.

Начиная с «громокипящих» времен горбачевской «гласности» и по сей день модным остается тезис деидеологизации учебной литературы по истории. Отстаивая этот тезис, либеральные публицисты 1990-х годов ссылались на пример якобы деидеологизированной западной учебной исторической литературы. Под аккомпанемент этих «компетентных» утверждений система исторического образования и воспитания западных стран шла и продолжает идти своими путями, отвечающими как духу основополагающих ценностей западного мира, так и национальным интересам каждой из этих стран. Американские школьники, например, изучают историю своей страны по учебнику, озаглавленному следующим образом: «Америка! Америка!! Америка!!!» Что это такое, как не идеология одновременно имперского величия и глубокой — на уровне идеализации — апологетики своего исторического пути? Вступающему в жизнь американцу загодя предприсывают: мы были самыми-самыми в прошлом (!), мы остаемся самыми-самыми в настоящем (!!), мы непременно будем самыми-самыми в будущем (!!!). Такими приемами и средствами национальные «деидеологизированные» учебники США воспитывают чувство патриотизма и социальной консолидации у своих будущих граждан. И авторов не смущает при этом то хорошо известное им и всем остальным

в мире обстоятельство, что реальный исторический путь их страны усыпан не только розами.

Для сравнения (точнее, противопоставления) приведу лишь одну выдержку, на этот раз из отечественного новомодного издания, адресованного «широкому кругу читателей, интересующихся историей России» и претендующего на то, чтобы учить уму-разуму студентов МГИМО (У) — будущих российских дипломатов: «1945 год... обнаружил, что быть людьми, нравственно ответственными личностями, очень многие русские люди так и не научились вновь, пройдя горнило войны. В этом коммунистическая практика жизни одержала победу над их совестью»². И это сказано о поколении победителей: об отцах, дедах и прадедах нынешних россиян, в том числе и о тех немногих доживших до наших дней ветеранах Великой Отечественной войны, которым школьники и студенты каждый год 9 мая вручают в знак великой признательности и благодарности цветы. Разве это не идеология? Но это такого рода идеология, которая в резком контрасте с образовательными и воспитательными традициями любого цивилизованного социума нацелена на дискредитацию и разрушение ценностных основ общества. Возникает вопрос: на какой социально и политически значимый эффект рассчитывают эти «идеологи»? Вопрос, конечно же, риторический.

Не преодоленная по сей день в нашем обществе конфронтационная ситуация в подходе к реконструкции и оценке исторического прошлого России является одним из серьезных негативных факторов, тормозящих процессы стабилизации и поступательного развития страны. Насколько важными являются для нас эти проблемы, можно судить по следующему примеру. Когда социальный транзит пережившего и гражданскую войну и диктаторский, тоталитарный режим Франко испанского социума к современному демокра-

² История России. XX век: 1939–2007 / Под ред. А.Б. Зубова. М.: Астрель; АСТ, 2009. С. 166.

тическому обществу к исходу 80-х годов прошлого столетия завершился в целом в достаточно уравновешенных формах, ученые этой страны создали объемистый труд, задачей которого было выяснить какие же факторы сыграли главную, решающую роль в относительно безболезненном — без разрушения государственности, без катастрофического социального и демографического отката, без стрельбы из танков по парламенту и т. п. — переходе Испании от тоталитаризма к демократии. В итоге на первое место был поставлен следующий фактор: испанскому обществу удалось «*договориться о прошлом*».

Что значит «договориться о прошлом» для нас, граждан России конца первого десятилетия XXI столетия от Рождества Христова? Прежде всего, не скрывая в этом прошлом ничего сложного и драматического, не обходя острые углы, но не забывая и о позитивном, извлечь из отечественного исторического опыта *конструктивные уроки*. «Человечество, — справедливо замечал в свое время американский писатель и издатель XIX — начала XX в. Кристиан Нестел Боуви, — частично вознаграждается за великие бедствия великими уроками, которые из них вытекают». Действительно, нам важно сегодня воззвать к жизни и усвоить именно *великие уроки* прошлого. Уроки, которые *вознаграждают* нас сегодня социальной и политической мудростью, предостерегают от повторения бед прошлого, которые сплывают общество, «работают» на его консолидацию, не тянут из прошлого в настоящее баррикады революций и фронты гражданской войны.

И в заключение несколько слов об обсуждающемся сегодня учебном пособии профессоров МГУ А.И. Вдовина и А.С. Барсенкова.

Попытка определенных — радикально-либеральных — сил, вчистую проигравших на полях открытой политической состязательности, взять реванш на площадке учебников и учебных пособий по отечественной истории очевидна. Эти люди не выражают беспокойства по поводу выхода в свет

изданий на историческую тему, оскорбляющих достоинство народа и страны в целом, героизирующих предательство, называющих освободителей Европы от гитлеризма «дикой ордой», а саму Великую Отечественную войну — «советско-нацистской» (см. уже упоминавшийся нами геростратовски известный двухтомник А.Б. Зубова). Но они начинают бить во все колокола, когда встречаются в учебной литературе, созданной профессиональными историками ведущего вуза страны, документально обоснованные темы и сюжеты, на которые им — адептам «всех и всяческих свобод» — хотелось бы наложить полицейский запрет. Надо отдавать себе отчет в том, что люди, дирижирующие кампанией, уже получившей название «дело историков», преследуют вполне определенные политические цели. И цели эти трудно назвать конструктивными.

Крайности сходятся, как это часто бывает в среде тех, кто видит в истории палочку-выручалочку для удовлетворения своих сиюминутных политических вожделений. И сходятся эти крайности в стремлении находящихся на полюсах политического спектра и сегодня уже маргинальных сил «переиграть» сложившийся к концу первого десятилетия XXI в. и тяготеющий к центризму определенный промежуточный итог трансформации российского общества. Они хотели бы вернуться к 90-м годам прошлого века, к эпохе «бури и натиска», питавшейся лихорадочной активностью, с одной стороны, радикально-либеральных, с другой же — псевдопатриотических «штурмовых отрядов».

Прямая или косвенная поддержка подобного рода крайностей и моды на «социальный мазохизм» способна нанести только вред и государству, и обществу, ибо историческое знание только тогда проявляет в полную силу свои социальные функции, когда способствует консолидации общества и содействует упрочению основ государственности.

Как хочется монополии государства на насилие

С.Г. Кара-Мурза, доктор химических наук

Я считаю, что на таком собрании тему преподавания истории поднять невозможно. Мы обсуждаем не книгу, но и книгу тоже не так обсуждают. Мы обсуждаем совсем другое явление — публичное *осуждение* книги, а не ее *обсуждение*. Оно аналогично осуждению «без суда и следствия» — явлению, очевидно, очень важному. В данном случае имеем важный прецедент.

Речь идет о тех нормах движения знания, которые складываются в политической системе нынешней России. Перед нами *пороговое явление* — прецедент судебного процесса общественных организаций против конкретного учебника, против продукта знания. Объектом этого процесса является учебник, написанный профессорами МГУ, профессиональными историками. В *праве* (законах) и в *культурных нормах* (обычаях) цивилизованного государства общепринято, что подобные продукты подлежат суду только *компетентных* институтов. В данном случае таким институтом является профессиональное ученое сообщество, представленное Ученым советом МГУ. Он уполномочен судить когнитивную сторону, т. е. качество продукта знания.

С другой стороны, учебник истории — инструмент идеологии. Для оценки этой его стороны существуют компетентные государственные органы, которые занимаются цензурой (в разных ее формах) и дают свое суждение о политической пользе или вреде продукта для данной политической системы в данный момент. Был такой орган и в Российской империи, а потом и в СССР. Была в советское время такая организация — Главлит. У цензоров был список, из которого следовало, чего нельзя писать. Историк мог написать что-то не так. Ему указывали: «Вот это, пожалуйста, уберите или переделайте». Он это вычеркивал,

перedelывал или забирал свою рукопись и клал ее в стол в ожидании лучших времен.

Система была ясной и правовой. Всякие общественные организации могли только дискутировать с книгой, но не выносить никакого приговора (если не было чрезвычайной ситуации). Что же мы имеем в данном случае? Ни уполномоченный научный орган, ни уполномоченные государственные органы никаких претензий к учебнику не предъявили. Суд устроили общественная организация и СМИ (при явном одобрении властей). Это аналог суда Линча, только в сфере знания. Государство негласно дало лицензию для судебного приговора неформальным организациям. Эти организации, взявшие на себя судебные полномочия, являются «незаконными вооруженными формированиями» в информационной войне. Государство, которое обязано пресекать попытки разжечь такие войны, покрывает эти «эскадроны». Докатились по пути «демократии и правового государства»...

Мы не можем «симметрично» судить эту общественную организацию, к примеру, устроить суд над Сванидзе, хотя он, конечно, это заслужил. К чему ведет такая асимметрия? Если она пересечет «красную черту», то в какой-то момент к Сванидзе подойдет оскорбленный человек и вlepит ему в живот из обрезка заряд картечи. Я к этому не призываю, Боже упаси! Я даже буду, может быть, огорчен. Так не надо двигаться по этому пути!

Речь идет уже не о том, что такое демократия или право. Речь идет о недопустимых действиях государства. Не имеет оно права уступать свою монополию на осуждение, в данном случае политическое, неформальным организациям. Оно должно загнать эти «эскадроны» в казармы или даже разружить их.

Конечно, здесь есть деликатный момент — поведение самих осужденных. Они должны определиться, что делать в этой ситуации. Ясно, что пока страна находится в состоянии холодной гражданской войны, решает дело сила. Поскольку

господствующее меньшинство очень невелико, оно компенсируют этот недостаток другими ресурсами. Сейчас сохраняется неустойчивое равновесие сил.

Как себя вести? Можно доказывать свою лояльность власти и Сванидзе, это один способ поведения. Но если вы его выбираете, то зачем тогда какие-то собрания? От них только вред один! Уважаемые профессора, это собрание могут оценить как акт гражданского неповиновения. Нужно ли вам в нем участвовать?

Можно бороться за соблюдение своих демократических прав. Но это, положим, тупик. Никто в эти права не верит, и не будет тратить силы и время на эти вопли. Не будем тратить и мы.

Третий путь: если тебя не трогают, то сиди себе, пиши эти книги в катакомбах, но не претендуй на премии и гонорары. Ясно, что любая власть, тем более, как в данном случае, революционная власть, конечно, не допускает учебников, которые подрывают ее легитимность. Было бы глупо власти так поступать. Тут мы бьемся головой об стену, хотя и стены-то нет — ломимся в открытую дверь.

По моему представлению, надо разграничить сферу знания и сферу политики. Если речь идет об историческом знании, то следовало бы дать учебнику квалифицированную критику, тщательно отработать формулировки и обсудить его в тех каналах, которые доступны: в Интернете и в печати. И не обращать внимания на демагогию Сванидзе или самого Саркози.

А если хочется потряхнуть демократией и мягко пожурить власть, то стоит написать личное письмо в ЖЖ Президента, мол, зачем он суды Линча поощряет. Нехорошо это, вот какое у меня мнение.

Должны быть национальные герои

А.В. Репников, доктор исторических наук

Историческая наука имеет идеологическую функцию, но значит ли это, что у истории в обществе только эта миссия? Мне кажется, очень важно еще и то, что называется нравственной миссией. Писатель и философ Ю. Мамлеев в одном из своих интервью верно отметил: «Технические дисциплины делают специалиста, а человека делают человеком гуманитарные предметы и религия. Самое главное в русской литературе даже не социальные вопросы, а вопросы о человеке. Нужно учить понимать именно человеческое содержание классики. На тот свет мы уходим не с технологиями, а со своей душой»³. Здесь важна не только религиозная составляющая. Гуманитарные науки, и прежде всего история, обращаются не только к человеческому разуму, но и к душе и совести.

И в прошлом, и сейчас историю зачастую используют для того, чтобы кого-то разоблачать или восхвалять. Но ведь и жизнь каждого человека, как отмечал М.Ю. Лермонтов, тоже история. Его связь с прошлым своей страны и со своим народом — тоже история. В этом отношении гуманитарные науки позволяют осознать преемственность между прошлым и сегодняшним днем, а когда она уничтожается, то мы получаем циничное общество, в котором нет ни традиций, ни прошлого, ни будущего.

Удар, нанесенный по гуманитарным наукам, дает знать о себе не столь быстро, как удар по наукам техническим. Там все понятно — начинают происходить техногенные катастрофы и т. п. А в гуманитарных науках страшные последствия видны спустя некоторое время. Происходит разрыв между поколениями, что сказывается, в первую очередь, на молодежи.

³ Болящий дух врачует песнопенье // Литературная Россия. 2009. № 50/51. <<http://www.litrossia.ru/2009/50-51/04776.html>>.

Полагаю, что при обращении к истории нашей страны важен еще и такой момент, как память о «болевых точках» прошлого. Я не имею в виду смакование «кровавых» страниц истории, а говорю об искренней боли. Современный писатель Владислав Крапивин заметил: «Иногда обострение боли — это медицинский способ излечить и душу и действительность. Иногда ее надо обострять, чтобы человек оглянулся, спохватился, возможно — ужаснулся... и, может быть, попытался бы в мире что-то изменить. Жить с закрытыми глазами все равно нельзя»⁴. Изучение истории помогает, образно говоря, «держат глаза открытыми», но **есть граница между стиранием «белых пятен» прошлого и откровенной «чернухой»**. Как верно сказал в своем выступлении В.В. Журавлев, если взять американский (или, например, французский, немецкий и т. д.) учебник истории, то там самобичевания нет. На уровне монографий, конечно, подробно анализируются неприглядные страницы прошлого, но там уже другой стиль и иные требования. На уровне учебника все-таки происходит формирование отношения к обществу, к стране и здесь нужно быть очень осторожным в оценках.

В прошлом любой страны есть «черные страницы», государственные секреты и т. п. Великобритания засекретила материалы о полете Р. Гесса. На Западе, периодически вспоминаемая о пакте Молотова — Риббентропа, «забывают» о том, что было в Мюнхене. Кто сейчас вспомнит какие территории получила Польша после раздела Чехословакии? Кто у нас кроме специалистов слышал про договор от 26 января 1934 г. между нацистской Германией и Польшей, или про лагерь Тухола для советских военнопленных?

В СССР «шкафы со скелетами» были открыты в период перестройки. С одной стороны, это позволило ликвидировать многочисленные «белые пятна» в советском прошлом, но с другой — был нанесен удар по «несущим конструкциям»

⁴ Крапивин В. Ответы за 2003–... год // <<http://www.rusf.ru/vk/int.htm>>.

государства. А.А. Зиновьев сказал в свое время, что целили в коммунизм, а попали в Россию. Вопрос о сущности коммунистической идеологии и ее трансформации я рассматривать не буду (это тема для отдельного разговора), но, на мой взгляд, удар здесь был нанесен по более важным болевым точкам, чем просто идеология.

В любом государстве и обществе должно быть то, на чем можно *воспитывать* — пример для подражания. Должны быть свои герои. Некоторые историки отмечают, что той скрепой, которая на фоне вырождавшейся официальной идеологии объединяла людей в последние десятилетия существования СССР, была Великая Отечественная война. И даже не столько сама война, сколько связанная с ней героика. При этом могли смеяться над Брежневым, который получает орден Победы и звезды Героя Советского Союза, но можно ли представить, чтобы смеялись над ветеранами? Война и победа оставались как нечто объединяющее. Не случайно в период перестройки (а, отчасти, и в наши дни) критический удар приходится по знаковым, как сейчас говорят, фигурам Великой Отечественной (Зоя Космодемьянская, Александр Матросов и др.). И дело здесь не в дискуссиях историков о том, насколько значим с военной точки зрения подвиг Матросова. Природа не терпит пустоты, и *если отказываются от своих героев, то на их место приходят чужие*.

В учебниках должна быть определенность. Подчеркну — не ложь, не восхваление всего и вся, а определенность. Должны быть национальные герои. Сейчас мы этого не видим, в том числе и потому, что герои у нас постоянно меняются. Герой очень быстро делается антигероем, и наоборот. Это происходит не только на властном уровне, но и на уровне общества. Соглашусь с С.Г. Кара-Мурзой в том, что наше общество расколото. Для кого-то в наши дни герой Иоанн Грозный, для кого-то — князь Андрей Курбский, для кого-то — Г.К. Жуков, а для кого-то — А.А. Власов, есть те, кто добивается канонизации Г.Е. Распутина, а есть те, кто не со-

гласен с канонизацией Николая II и т. д., продолжать можно до бесконечности.

Еще один момент, который нужно отметить. В отношении национальных героев просматривается странная тенденция. Стоит появиться позитивному образу (на уровне общественном, властном ли, не важно), который берут в качестве примера, и вскоре начинается его ниспровержение и волна критики. «Безгрешных» людей мы в истории не найдем, но эта страсть к «разоблачению» всех и вся заслуживает отдельного разговора. Государство само должно определиться — кто у нас позитивные герои.

Дело, наконец, еще и в цинизме, с которым «препарируется» все и вся. Приведу один пример: в эпоху перестройки показывали по телевизору «юмористическую» передачу. На сцену выходит небритый мужик в телогрейке и хриплым голосом поет: «Я сегодня до зари встану, сам себе налью и сам тресну, у соседа оторву ставню, все равно я здесь один — местный... и т. д.». Зал смеется и аплодирует. Это нормально? Была когда-то песня: «А степная трава пахнет горечью... просыпаемся мы и грохочет над полночью то ли гроза, то ли эхо прошедшей войны». Примеров такого цинизма множество, и те, кто тогда хохотал над этой пошлой переделкой, не должны удивляться тому, что сейчас возшло из посеянных ими зерен.

И еще очень важно помнить, что гуманитарная наука на самофинансирование в принципе не сможет выйти. Есть энтузиасты, которые пишут хорошие работы, но не могут их напечатать. А эти книги были бы полезны и для государства. Есть немало хороших работ, но выходя тиражами в 50, 100 или 500 экземпляров они слабо введены в научный оборот и зачастую недоступны не только для широкого читателя, но и для исследователя (об этом сегодня говорилось). В Москве и Санкт-Петербурге эту проблему помогают решать библиотеки, а в провинции можно полагаться или на личные связи, или же на интернет-ресурсы. Проблему представляет и специфика комплектации библиотечных фондов.

Сейчас в рейтинге продаж, как сегодня тоже отмечалось, лидируют сочинения на исторические темы, написанные публицистами, которые хватают интересную тему, выхолащивают, «выжимают» и, выстроив «сенсационную концепцию», бегут дальше. Выходит, по законам рынка, что пока будут делать одно тщательно вычитанное издание документов, выйдет пять или десять изданий с кучей ошибок. Наука в принципе, и тем более наука гуманитарная, — убыточна с точки зрения «делания денег», потому что эти работы, монографии, сборники документов, которые выходят, не будут приносить какой-то колоссальной коммерческой выгоды. Тиражи маленькие, переизданий за редким исключением не бывает. Публицист В. Гулевич отмечает: «Гуманитарная сфера действительно забыла о своем предназначении. Рынок медленно покоряет всех, и только у самых стойких хватает решимости отвергнуть житейский постулат римского плебса “Хлеба и зрелищ!”... Если мы позабудем о духовности, о том, что человек, кроме желудка, имеет еще и душу, наше общество окончательно скатиться в ту самую бездну, которая уже давно всматривается в нас так пристально»⁵.

В отношении учебного пособия А.С. Барсенкова и А.И. Вдовина отмечу, что в нем, конечно, как сказал С.С. Сулакшин, есть и достоинства и недостатки⁶. Авторы использовали

⁵ Гулевич В. Руины в душах наших // Час пик (Еженедельник). 2010. № 8. <<http://www.newsland.ru/News/Detail/id/466909/>>.

⁶ См. одну из первых рецензий на издание 2003: Кожевников А.Ю. По страницам нового учебника: А.С. Барсенков, А.И. Вдовин. История России. 1938–2002. М.: Аспект Пресс, 2003 // Наш современник. 2004. № 6. 2004. С. 195–198. Интернет-перепечатка статьи: <http://www.zlev.ru/45_15.htm>. Некоторые из публикаций, связанных с дискуссией вокруг последнего издания пособия и ссылки на интернет-ресурсы приведены в издании: Новое «дело историков». Русский взгляд на историю: Сборник статей. М.: ФОРУМ, 2010. См. также различные отклики в Интернете [все ссылки проверены по состоянию на 16 октября 2010 г.]:

1. <<http://actualhistory.ru/vdovin-barsenkov>>.
2. <<http://www.apn.ru/publications/article23149.htm>>.
3. <<http://www.pravmir.ru/delo-istorikov/>>.
4. <<http://www.pravmir.ru/istoriya-rossii-v-nacionalnostyax/>>.

большое количество работ последних лет (достаточно посмотреть библиографию), наполнив издание множеством имен и фактов, которые ранее отсутствовали в учебной литературе. Но не все работы, использованные ими, написаны на высоком научном уровне и с этим, как мне кажется, связаны некоторые ошибки, основанные на не критическом восприятии публикаций литературных журналов и некоторых публицистов. Например, ссылка на так называемое «решение» заседания Политбюро ЦК ВКП (б) от 11 ноября 1939 г. об отмене «указания» от 1 мая 1919 г., касающегося «преследования служителей Русской Православной церкви

5. <<http://www.pravmir.ru/dekan-istfaka-mgu-s-p-karpov-neobходима-seznaya-ekspertnaya-ocenka/>>.

6. <<http://www.pravmir.ru/mutnaya-istoriya/>>.

7. <http://ruskline.ru/news_rl/2010/9/10/egor_holmogorov_liberalnaya_cenzura_prevzoshla_samy_ehudshie_totalitarnye_obrazcy/>.

8. <<http://www.voskres.ru/info/sobinfo263.htm>>.

9. <http://ruskline.ru/news_rl/2010/9/10/deyateli_nauki_i_kultury_vystupili_v_zawitu_russkih_istorikov/>.

10. <<http://www.russkie.org/index.php?module=fullitem&id=18918>>.

11. <http://ruskline.ru/news_rl/2010/9/06/dmitrij_volodihin_svanidze_pytaetsya_oskopit_istoricheskuyu_nauku/>.

12. <<http://www.jewish.ru/history/press/2010/06/news994286494.php>>.

13. <<http://www.echo.msk.ru/blog/agolubovskiy/700845-echo/>>.

14. <<http://www.echo.msk.ru/programs/assembly/693990-echo/>>.

15. <http://ruskline.ru/news_rl/2010/9/09/eto_pozoriwe_sud_sharikovyh_nad_professorami/>.

16. <<http://www.politjournal.ru/index.php?action=News&tek=5870>>.

17. <<http://www.areopags.ru/2010/09/ratnikova-uchenye-dokumentalno-zakrepili-v-uchebnike-fakty-imeyushhie-dokumentalnoe-podtverzhdenie/>>.

18. <<http://www.regnum.ru/news/1323859.html>>.

19. <<http://grani.ru/opinion/m.182062.html>>.

20. <<http://yarcenter.ru/content/view/33891/83/>>.

21. <<http://www.rus-obr.ru/discuss/8195>>.

22. <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%94%D0%B5%D0%BB%D0%BE_%D0%92%D0%B4%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D0%BD%D0%B0_%E2%80%94%D0%91%D0%B0%D1%80%D1%81%D0%B5%D0%BD%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D0%B0>.

и православноверующих»⁷. И «решение» и «указание» являются подлогами, разоблаченными на основании документов РГАСПИ⁸.

Проверить все сведения, взятые из *чужих* публикаций и приводимые в объемном пособии А.С. Барсенкова и А.И. Вдовина, вряд ли возможно, но можно ли винить в этом авторов? Трудно представить, чтобы авторы учебных изданий перепроверяли *всю* информацию, которую они приводят по чужим источникам. Такие перепроверки, например, мне встречались только при работе со статьями в Большой российской энциклопедии и подобных изданиях. Но это тема научного, а не политического обсуждения, и разбираться в этом должны историки-профессионалы, а не те, кто далек и от науки, и от истории.

При обилии содержащегося в пособии разнопланового материала, приводимого авторами, наличие неточностей, видимо, неизбежно, но они исправимы при доработке издания. Разбирать плюсы и минусы этого учебного пособия нужно *в рамках научного исторического сообщества* (в форме тех же «круглых столов» или открытых дискуссий, на которые нужно приглашать историков-профессионалов). Делать это надо спокойно, без эмоциональных оценок и тем более без навешивания на А.С. Барсенкова и А.И. Вдовина каких-то ярлыков. Давление на историческую науку с какой бы то ни было стороны — это опасная тенденция! Думаю, что историческое сообщество вполне может само решать научные проблемы без вмешательства извне.

⁷ Барсенков А.С., Вдовин А.И. История России. 1917–2004: Учебное пособие для студентов вузов. М., 2005. С. 303.

⁸ Курляндский И.А. О мнимом повороте Сталина к православной церкви // Вопросы истории. 2008. № 9. С. 3–16. В этой статье прослеживается путь этих подложных документов, опубликованных на 223 странице в № 12 за 1999 г. журнала «Наш современник» и воспроизведенных в ряде изданий. В оборот эти подложные документы запустили отнюдь не А.И. Вдовин и его соавтор, в пособии которых имело место использование *уже опубликованных* несколько лет тому назад материалов.

Битва за историю: подоплека «дела историков»

Исраэль Шамир

Я потом скажу о евреях, чтобы полностью исполнить ожидания собравшихся. Но сначала несколько слов в защиту плюрализма. У Сервантеса есть замечательная фраза: «История — мать истины», т. е. не так, как мы бы сказали — не истина порождает историю, а наоборот, история порождает истину. В споре об истории вырабатывается истина или, по крайней мере, доминирующий нарратив. В России идет спор, как относиться к советскому периоду, и этот, казалось бы, спор о прошлом на самом деле суть спор о будущем.

Снесут ли детсады, чтобы построить виллы, будет ли образование доступным для масс, покорится ли Россия Западу — это решается в споре о прошлом. Но вот парадокс — в прошлом этот спор был бы невозможен или предрешен. При Сталине выходило мало книг, каждая проверялась комиссиями, и приносила истину в конечной инстанции, а если не приносила, то газета «Правда» вносила свои окончательные коррективы. Спор о теории относительности, квантовой механике, языкознании, а тем паче истории — не только велся, но и решался окончательно и бесповоротно.

Но в нашу эпоху плюрализма и свободы мнений либеральное «ату его» против Вдовина и Барсенкова удивило меня — нет, не яростью, но своей несозвучностью эпохе. В деле историков виден рецидив советского навязанного единомыслия, который мне напомнил 1990 г. Тогда я приехал в Советский Союз в первый раз, не считая детства. При мне появились первые статьи, которые критиковали курс Горбачева. «Не могу молчать», статья Нины Андреевой, затем выступление замечательной чеченки Сажи Умалатовой. Какое остервенение эти возражения вызывали у цекистских идеологов перестройки! Они привыкли к единомыслию и надеялись его сохранить, заменив советскую парадигму на неолиберальную.

Их оппоненты оторопели — они не верили, что такие, идущие вразрез с курсом генсека, мнения могли быть выражены свободно, они во всем искали заговор, хитрый прием того же Горбачева для выявления несогласных.

И сейчас в деле историков мы столкнулись с тем же мощным неизжитым тоталитарным рефлексом, когда критики, а точнее обвинители заявили: «Давайте осудим и передадим в прокуратуру». Так под вывеской борьбы с экстремизмом и с разжиганием розни возрождают статью 70 об антисоветской пропаганде доброго старого УК РСФСР. Прежде чем обсуждать достоинства учебника, нужно сперва осудить попытки тоталитарного зажима.

Ведь Советский Союз пал от недостатка демократии в самом простом смысле слова — не было привычки к демократическому обсуждению. Свобода слова его бы спасла, а не погубила. Если бы в советском обществе можно было спорить и защищать свои мнения, Горбачев бы настаивал на своем, а сторонники социализма или государственники ему бы возражали, как сейчас Кургинян — Млечину. Еще неизвестно, кто победил бы в споре. Но Горбачев унаследовал тоталитарный аппарат полного идеологического контроля, им он и воспользовался.

Этот аппарат был сломан вместе с массой замечательных, хороших, нужных и полезных вещей. Хорошие, полезные и нужные вещи нам не возвратят, но надо бороться с попыткой Сванидзе и его группы возродить тоталитарную идеологию. Его стиль слишком напоминает Сталина — своей агрессивной безапелляционностью, которая так раздражает в его презентации «Суда времени». Сванидзе, как и его сроднику, «чудесному грузину», хочется истины в конечной инстанции. Если уж нет под рукой НКВД — эту истину должна, по его мнению, устанавливать прокуратура.

Российское общество в лице Общественной палаты РФ серьезно отнеслось к его претензиям. Ведь Сванидзе и иже с ним — не обычные люди. Это наследственная элита совет-

ского общества. Так сказать, дети советских графьев. В них расцвел термидор, о котором так много говорил Троцкий. Они предали и убили общество, которое были призваны окормлять. Так, африканские князьки XVIII в. продавали в рабство на американские плантации своих невезучих подданных, чтобы обеспечить себя лучшим шотландским виски. Теперь им необходимо себя реабилитировать в глазах истории — мол, проданные нами соплеменники достигли новых высот в Соединенных Штатах, а одна из них стала даже женой президента. И вообще — это была не торговля рабами, а обеспечение свободы передвижения, мир без границ, мультикультурализм.

Свергавшие в 1991 г. советскую власть вчерашние функционеры ЦК вроде Сванидзе-отца обещали России золотые горы, свободу слова и плюрализм. Ладно, золото они распилили, но где обещанный ими плюрализм? Учебник А. Вдовина и А. Барсенкова — это одна книга из множества книг на данную тему. Два квалифицированных историка уже не первый год издают и переиздают свой компендиум исторических фактов с не слишком навязчивой интерпретацией. Есть и другие факты, есть и другие книги — не свет клином сошелся на этой. Не было причины переносить обсуждение в Общественную палату, а тем более в прокуратуру. Пусть книги и историки спорят в рабочем порядке.

Но раз уж спор нам навязан, отнесемся к замечаниям и упрекам, вынесенным авторам книги. Их упрекают за то, что они объясняют те или иные шаги советского руководства вместо того, чтобы ограничиться огульным осуждением. Это долг историков — объяснить внутреннюю логику принятия решений, но эта логика и сами решения были бы понятнее, если бы авторы чаще сравнивали происходившее в России с тем, что происходило в мире. Решения и действия советских властей нужно контекстуализировать в мировом, а не только во внутрироссийском масштабе. И тогда они станут понятнее нашим современникам.

Например, преследования священников и гонения церкви в СССР было бы легче понять, сравнив с яростными преследованиями за веру в Мексике и Турции в то же время, а конфискацию церковного имущества — с конфискациями во Франции 1905 г. В СССР все же не брили бороды всенародно и не выгоняли из вузов за косынку.

Депортация немцев Поволжья становится понятнее на фоне депортации японцев в Соединенных Штатах, или депортации немцев Палестины, где англичане вывезли всех немецких колонистов в Австралию. Им предшествовала депортация немцев из независимой Эстонии в 1921 г., за многие годы до прихода советской власти.

Потери среди советского населения при коллективизации становятся гораздо более объяснимыми, если их сравнить, например, с людскими потерями во время Великой депрессии в США. Тогда за несколько лет «гроздьев гнева» Америка потеряла более 6 млн человек (и даже 12 млн по другой статистике), что вполне сравнимо с потерями при коллективизации.

Количество заключенных в ГУЛАГе при Сталине уступает количеству заключенных в американской пенитенциарной системе сегодня при Обаме — и это сравнение помогло бы студентам понять мир, в котором они живут.

Учебник упоминает массовое сотрудничество чеченцев с немецкими оккупантами. И это надо было контекстуализировать. Многие народы, которые считали себя колонизованными, поддерживали Германию. Так было и в Иране, и в Индии, так было и на Арабском Востоке, так было и в Ирландии, колонизованной Англией, и в Бретани, колонизованной Францией. Иными словами, поведение чеченцев и других кавказских народов, поскольку они считали себя колонизованными Россией, представляется ожидаемым — равно как и репрессии против них.

Относительно евреев. В учебнике говорится о высоком проценте евреев на командных и идеологических должно-

стях и о попытках советских властей нормализовать его в соответствии с их удельным весом в населении. Эти строки вызвали бурную реакцию Сванидзе и его группы. Однако и это надо понять в контексте.

Например, в наши дни русские евреи в Израиле то и дело подсчитывают процент русских евреев на руководящих должностях и остаются им недовольны. Так, на сайте русских евреев в Израиле отмечают, что русские евреи в Израиле, составляя более 15% от работоспособных израильтян, составляют менее 2% служащих госсектора, и те на нижних и средних уровнях государственных служб, а на руководящих должностях — 0°. То есть евреи вовсе не считают невозможным такой расчет процентов и не считают его табуированным или признаком расизма, когда они оказываются в проигрышной ситуации. По-человечески понятно, когда они оказываются в выигрышной ситуации, они протестуют против такого подхода.

Если же обратиться к историческому контексту 1930-х годов, то процесс «коренизации» или нормализации еврейских позиций во власти шел повсеместно. В соседней Польше он шел куда более активно, чем в России, и там произошло практическое вытеснение евреев из общественной жизни. Ситуация с евреями — это частный случай деколонизации. Так, после гигантского обмена населением между Индией и Пакистаном в 1948 г. переселенцы из Индии заняли командные посты в экономике и политике Пакистана, а позднее президент Бхутто снискал себе популярность и любовь коренного большинства, нормализовав положение переселенцев путем конфискации и арестов.

В наше время борьба за пропорциональное представительство общин идет повсеместно. Так, недавно Верховный суд США принял протест членов афро-американской общины, получившей слишком мало рабочих мест в пожарных

⁹ <<http://izrus.co.il/obshina/article/2008-12-07/2909.html>>.

службах Детройта. Иногда такой протест становится кровавым. Так, в Индонезии были вырезаны сотни тысяч китайцев, занимавших командные посты в экономике, а в Германии 1930-х годов пострадали евреи с их высоким весом в экономике, культуре и политике. В России выравнивание позиций происходило плавно и мягко, без особых эксцессов, хотя это был болезненный процесс.

Несомненно, вопрос об удельном весе евреев во власти волновал многие народы в XX в., и отмахнуться от него невозможно. Критики наших историков немедленно апеллировали к Гитлеру — мол, это его тема. Но это давно развенчанный прием, Лео Штраус назвал его *Reductio ad Hitlerum* («сведение к Гитлеру»). «Если Гитлер любил неоклассицизм, значит, классицизм это нацизм. Если Гитлер укреплял семью, значит, традиционная семья и ее защитники — нацисты. Если Гитлер говорил о народе, значит, любое упоминание народа, национальности или даже фольклора — уже признак нацизма». Тем более — тема «еврейского засилья». Но и на нее у Гитлера не было копирайта. Писали об этом по-русски и Солженицын, и Слезкин, а думали — миллионы. Так что упреки авторам книги — это скорее упреки в адрес реальной истории XX в.

Упрекали авторов учебника и за упоминание планов создания Крымской еврейской республики и высылки крымских татар. Это интересная, важная и болезненная глава советской истории. ЕАК сыграл полезную роль во время войны, проводя советские интересы в Америке и наводя мосты между советским руководством и влиятельной американской еврейской общиной. Однако после войны ЕАК попытался играть роль проводника американских еврейских интересов в СССР, роль «еврейского лобби». Недавно опубликованные материалы показывают, что 15 февраля 1944 г. руководство ЕАК уже требовало создать в Крыму «еврейскую советскую социалистическую республику», т. е. такую же по статусу союзную республику, как Украина и Россия. Эти требования,

видимо, учитывались при депортации крымских татар, произведенной в мае 1944 г.

Для контекстуализации: в 1948 г. еврейские националисты провели массовую депортацию коренного населения Палестины, изгнав 90% нееврейского населения с захваченных ими территорий, так что идея депортации не была им чужда.

Неужели не в чем упрекнуть Вдовина и Барсенкова? Позиция авторов учебника — это позиция в первую очередь охранительная, что можно понять в свете нынешней слабости России. Они противостоят неоллибералам типа Сванидзе, которые хотят открыть ворота для импорта идеологии и культуры западных элит. Конечно, нужно охранять замечательную русскую цивилизацию и ее основного носителя — русский народ. Но этого недостаточно.

Сейчас на наших глазах рушится миф о «золотом миллиарде», рушится национальное и идеологическое единство Соединенных Штатов и Европы, на Западе идут процессы, напоминающие наш 1988 г. Оказалось, что западным богачам не нужно тянуть целый миллиард, они прекрасно могут опустить и большинство американцев, и большинство европейцев на уровень русских.

Поэтому пора перейти от охранительной парадигмы удерживания к наступательной, а наступательного элемента в национальной русской идее нет. Сейчас России нужно не только удерживать рубежи, но и перекидывать идеологические мосты (они же абордажные мостики) во внешний мир. Советский социализм — это не единственная возможная форма экспорта идеологии. Покойный Александр Панарин говорил, что Россия должна нести в мир «православный эрос», т. е. идею сострадания, сочувствия, товарищества, присущую русскому православию. Россия как лидер сопротивления Фининтерну, как образец альтернативного пути развития так же сможет привлечь на свою сторону миллионы людей во всем мире. Поэтому, не отвергая русскую национальную идею, не надо на ней останавливаться.

Преподавание истории в русле государственной ПОЛИТИКИ

Д.В. Маслов, доктор исторических наук

Несколько слов по первому вопросу нашей повестки. Может ли учебник истории быть вне государственной политики? Полагаю, что нет. И это объективно хотя бы потому, что образование по Конституции РФ является одной из государственных функций. В полной мере это относится к образованию историческому. Учебник истории может соответствовать государственной политике или идти вразрез с ней, но быть вне ее не может. Подлинная историческая наука старается освободиться от воздействия политической и иной конъюнктуры, но политика не мыслит себя без опоры на историю. Формальным выражением политики государства в отношении учебников истории является решение о допуске учебника к использованию в учебном процессе. Но имеются, как мы видим в случае с учебником коллег из МГУ, и другие, неформальные, но весьма действенные механизмы государственного влияния.

Еще вопрос: является ли сегодня учебник истории основным, если так можно сказать, «разносчиком» исторического знания? Не уверен. Такую функцию выполняют сегодня средства массовой информации, прежде всего телевидение. На нем правят бал непрофессионалы. Сегодня уже упоминали о передаче «Суд времени», хотя есть и другие примеры. Передача интересная, приглашают и специалистов, но голоса аудитории в самой телестудии чаще захватывают не те, кто приводит убедительные аргументы, а те, кто обращается к чувствам людей, умело управляет их эмоциями.

Начиная с перестройки историкам трудно конкурировать с любителями исторических сенсаций. Мы и сегодня проигрываем борьбу на информационном поле. Да, специалисты не отказываются от участия в теледискуссиях, но за редким

исключением не могут устоять перед напором воинствующего дилетантизма, обрамленного красивой риторикой. Поняты интерес к истории спортсменов, артистов, писателей и т. д. Но пора уже профессионалам занять свое место в информационном пространстве, иметь свою передачу, дискуссионный клуб или что-то в этом роде. Есть позитивный пример передачи «Что делать?» на канале «Культура», куда приглашают специалистов. И это положительно отражается на уровне обсуждения. Ведь как можно отличить историка от «любителя»? Историк обязательно следует принципу историзма и не позволит себе одномерных оценок событий и деятелей прошлого.

Если мы хотим бороться за нашу историю — а сегодняшнее обсуждение это и показывает — мы должны стать более активными, отвоевывать информационное пространство, уметь преподносить историю научно и при этом живо, интересно. Возможно, Центр проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования, где мы собрались, может стать в каком-то роде площадкой, с которой постепенно будут укрепляться позиции научного исторического знания. Важно, чтобы организаторы кампании против учебника А.И. Вдовина и А.С. Барсенкова знали о нашей позиции и не могли бы ее не учитывать. Вопрос ведь состоит и в том, есть ли у нас гражданское сообщество историков, корпорация в хорошем смысле этого слова, способная отстоять своих достойных представителей даже перед лицом государства.

Приведенные сегодня в выступлении В.Э. Багдасаряна ссылки на высказывания наших государственных деятелей свидетельствуют о том, что либерализм остается основой их идеологических подходов, в том числе и по отношению к истории. Может ли идеология либерализма стать основой государственной политики к преподаванию истории? На мой взгляд, и да, и нет. Положительно я отвечаю в том смысле, что либерализм как система ценностей, в основании которых лежит идея свободы, сохраняет свою притягательность. Об

этом, кстати, совсем недавно говорил президент Д.А. Медведев на Ярославском форуме. Но либерализм как подход к написанию учебников, думаю, несостоятелен. Ведь что должен предполагать либеральный подход в этой ситуации? Вы хотите написать историю с государственно-патриотических позиций — пожалуйста. А кто-то отталкивается от человеческой личности — и это его право. Но как тогда обеспечить реализацию единой государственной политики в учебниках истории? И как тогда сочетается либерализм с гонениями авторов упомянутого учебника?

Полагаю, что государственная политика в этом вопросе должна состоять не в том, чтобы делить авторов учебников на «хороших» и «плохих», «своих» и «чужих». Пора бы уже на государственном уровне добиться того, чтобы для начала перестать воевать со своей историей, особенно с советским ее периодом. Прописная истина — нельзя построить настоящее и будущее, не опираясь на прошлое. Историю надо перестать «судить» («А судьи-то кто?»), ее надо *понять*. И именно государство в наших условиях должно подать обществу соответствующий сигнал. Этого, конечно, недостаточно, но необходимо с чего-то начинать. А далее уже можно обращаться и к законодательному опыту ряда стран, о чем здесь в самом начале сказал докладчик.

Демократия не может быть избирательной

П.П. Александров-Деркаченко

Хотел бы поблагодарить коллег за животрепещущее обсуждение интересного издания. Я сам представляю здесь журнал «Свободная мысль» и должен сказать, что ситуация, складывающаяся вокруг учебного пособия А. Вдовина и А. Барсенкова, не оставила нас равнодушными. В частности, как только на декана исторического факультета началась в

буквальном смысле слова информационная травля, мы сразу же предоставили С.П. Карпову возможность высказать свое мнение на страницах нашего издания.

Разумеется, Общественная палата необходима и полезна как учреждение гражданского общества, в котором политики, общественные деятели, ученые и журналисты могли бы обсуждать насущные вопросы, но в таком случае Общественная палата должна избегать избирательности, т. е. быть объективной и принимать к рассмотрению все — подчеркиваю — все учебные пособия. Демократия не может быть демократией, если она применяется избирательно. Возьмем, например, очень свежий учебник автора Зубова. Вот что он пишет о 1945 г., когда наша армия начала освобождение Европы: «Не христолюбивое воинство, но дикая орда наводнила Европу в 45-м году, мстя беззащитным европейским обывателям...» Комментарии излишни. Другая книга — «К 70-летию начала Второй мировой войны». Я долго думал, почему в книге применялась практика подчеркивания некоторых слов и выражений, пока не выяснил — текст взят из Wikipedia. А ведь издание осуществлено Институтом российской истории РАН при поддержке комиссии по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России (само название странное — почему, скажем, нужно бороться с теми фальсификациями, которые могут нанести вред России, и не надо с теми, которые не могут?). Так вот, по поводу этих книг Общественной палатой ничего не сказано и не было никакого возмущения. Ситуация явно несправедливая.

И еще. Я хотел бы высказаться по поводу наступательной политики. У нас на сегодня в России историки существуют в основном в академической среде. На мой взгляд, необходима организация, которая была бы адекватна задачам противодействия вранью и извращениям в истории. В Польше, скажем, существует институт национальной памяти, который финансирует конкретные программы, направленные на дис-

кредитацию русской истории. Польский институт национальной памяти помог своим украинским коллегам создать такое же детище. Спрашивается, неужели мы не понимаем, что работа с нами ведется организованно?

Искренне надеюсь, что чем больше будет мероприятий, подобных вашему, тем у нас будет больше надежды исправить ситуацию в лучшую сторону. Спасибо.

Историки и публицисты о деле «Барсенкова и Вдовина»

Р.М. Иванова, кандидат исторических наук

Учебное пособие А.С. Барсенкова и А.И. Вдовина «История России. 1917–2009» (3-е изд., доп. и перераб., М.: Аспект Пресс, 2010) вызвало скандал, в который вовлечены представители СМИ, академической среды, Общественной палаты РФ, блогосферы, интеллигенция и т. д. Казалось бы, в наше время, когда в стране нет идеологии, и учебные пособия пишут на любой вкус и кошелек, это невероятно. Однако после публикаций летом 2010 г. в СМИ обвинений в разжигании межнациональной розни, антисемитизма в адрес авторов А. Барсенкова и А. Вдовина в дело историков включилась Общественная палата, представители чеченской интеллигенции. Общественная палата организовала слушания, где приняла решение о контроле над академическими изданиями по истории, а чеченский адвокат пригрозил судом авторам, издательству за клевету на чеченский народ. Стыдно за тех публицистов, историков, превративших научные проблемы в межнациональный конфликт.

Особенностью исторического познания на нынешнем этапе развития является преобладание публицистических, научно-популярных форм освещения событий. Что касается оценки состояния исторической науки, то положение здесь,

особенно по теме учебного пособия А. Барсенкова и А. Вдовина «История России. 1917–2009», неудовлетворительно. Известно, что историю пишут победители. В советские времена наиболее принципиальные оценки прошлого, особенно по данной теме, выражались в партийных и государственных документах. Кроме того, общественно-гуманитарные дисциплины недооценивались, отдельные учреждения, органы печати монополизировали представления об истинности научного знания. Спрос на конъюнктурное знание порождал и порождает соответствующие предложения. Эйфория же как в оценке ситуации внутри страны, так и мирового сообщества, допущенная публицистами-софистами горбачевской перестройки, сыграла особую роль в манипулировании общественным сознанием. Решив узнать «всю правду истории и вскрыть ее белые пятна», они вскоре раскрасили великую историю державы в черные тона, ударив по национальному самосознанию граждан. Однако вместо уже отработавших мифов лишь создали новые, позволившие девальвировать духовные ценности и конвертировать власть в собственность, открыв дорогу номенклатурной приватизации.

Распад Советского Союза в 1991 г. трактуется по-разному. Одни определяют его как контрреволюционный переворот и реставрацию капитализма. Другие называют происшедшее либеральной революцией либо «номенклатурной революцией», в ходе которой советская бюрократия стремилась «конвертировать власть в собственность, затем снова во власть». В учебном пособии этот вопрос вообще не рассматривается. Нет ответа и на вопрос, почему и когда это стало возможным. Представляется, что это был кризис мобилизационной системы государства¹⁰. Общее, что объединяет Московскую Русь, Имперскую Россию, СССР — особая, мобилизационная роль государства. Это отмечалось историками

¹⁰ Иванова Р.М. О судьбах капитализма в России. Современный кризис в России и глобализация и др. Научная сессия МИФИ. М., 2003–2005 гг. Т. 6.

еще дооктябрьского периода П. Милюковым, советского — Л. Троцким, А. Фортунатовым и др. Мобилизующая роль государства была реализована в трех моделях: Московской Руси, Петербургской России, СССР независимо от общенациональных идей, использовавшихся государством и служивших средством объединения. Такой тип государства называют мобилизационным. В экстремальных условиях этот социально-экономический и социально-психологический генотип позволял выживать нашей державе как централизованному, полиэтническому государству с великорусским ядром, многоконфессиональному и самому большому в мире. Размывание устоев советского государства с середины 80-х годов XX в. привело к ослаблению его традиционной роли и, как следствие, — к распаду и кризису. Исторический опыт России свидетельствует, что формула российской истории иная, чем у Запада. Экономические и либеральные ценности, распространившиеся на Западе, замещены в России национальным сплочением, государственностью. Формулой нашей истории стало сплочение народа государством на основе великорусского ядра и традиционной культуры. Отсюда и единство государственной и духовной жизни, что не раз спасало Россию в кризисное время. Великодержавие является отличительной чертой нашего самосознания, элементом национальной психологии, проявлением ее самостоятельности. Российское государство было главным фактором, обеспечивающим культурный процесс. В широком смысле русская культура включает не только русскую национальную культуру, но и ассимилированные культуры и традиции других народов. Однако русская культура сложилась в основном на докапиталистической стадии, и буржуазные ценности: частная собственность, индивидуализм еще не успели в ней утвердиться, что постоянно отражалось в модернизационных процессах в стране. Базисом нашей традиции в отличие от Запада были духовные ценности: самоотверженность во имя Родины, патриотизм, правда как идеал, справедливость,

соборность, уважение к предкам. В августе 1991 г. распалось государство, а, следовательно, и культура.

Каждая культура имеет свой уровень терпимости, ту степень овладения свободой, которая переносима культурой и индивидуальным сознанием.

Кризисное состояние нашего общества в 90-е годы XX в. в полной мере выявило, что какво общество, такова и его наука. Учебные пособия могут теперь отражать разные идеологические и научные направления. Учебное пособие может освещать только одну из сторон отечественной истории, т. е. оно может быть основано на некой ценности, которая помогает отбирать факты для ее изучения. От господствующей ценности зависит и оценка исторического процесса. Важно, чтобы она при этом не отрывалась от исторического опыта народа, служащего основой объективности исторического знания. В случае с учебным пособием А. Барсенкова и А. Вдовина этой ценностью стал национально-государственный фактор. Надо отметить, что в наше время это явление редкое.

Обратимся к анализу самого пособия. Нам поможет рецензия, в основу которой было положено выступление В.М. Лаврова, доктора исторических наук, заместителя директора Института российской истории РАН на заседании комиссии Общественной палаты РФ по межнациональным отношениям и свободе совести 6 сентября 2010 г.¹¹ Сразу хотелось бы получить ответ на вопрос: каким образом стало возможно третье издание данного учебного пособия, если оно действительно «оправдывает казни политических оппонентов, государственный антисемитизм» и др.? Почему научное сообщество узнает об этом только сейчас?

Среди замечаний авторам пособия на первое место выделяется раздел «Исторические подтасовки». Считается, что названия важных разделов учебного пособия не обоснованы. Например, «Форсированная модернизация СССР 1928–1941»,

¹¹ Новая газета. 2010. 15 сент.

т. к. «такой термин тогда не употреблялся». Дело в том, что его действительно тогда не было, он появился на Западе в середине XX в., а потом в расширительном толковании приводится во многих учебных пособиях применительно и к петровским преобразованиям, и к реформам 60–70 годов Александра II, и к форсированному развитию страны в 30–40 годов. Причем модернизация может быть «догоняющей», «частичной», «тупиковой» и т. д. В случае с данным учебным пособием эта модернизация позволила решить основной вопрос, который оправдывает существование России в XX в. — великую победу нашего народа в Отечественной войне 1941–1945 гг. В этом главном испытании XX в. СССР обратился к беспроигрышному элементу — к чувству национального самосознания, уязвленной гордости, обиды за униженную объективным ходом событий страну и победил.

Известно, что разработка периода, охваченного в учебном пособии, ведется около 20 лет. Поражение социалистической идеи привело к тому, что данный период рассматривается как самый «темный» этап отечественной истории. Таковы результаты исследований. Авторы учебного пособия знакомы с их результатами, а они дискуссионные. Отсюда нам предлагается фактологический материал. Авторы не слишком теоретизируют при этом, используя публицистику. Авторами допускаются просчеты — необходима большая полнота, тщательность и всесторонность при привлечении и интерпретации исторических источников. Кроме того, мной были переданы им конкретные замечания по темам:

— Каковы причины Революции 1917 г., потрясшей все человечество?

— Как авторы определяют альтернативы в истории, и была ли действительно «корниловская альтернатива»?

— Почему не рассматриваются модели построения социализма, альтернативные сталинскому варианту? Почему восторжествовала сталинская модель?

— В чем причины культа личности? И была ли система культа и командно-бюрократического управления неизбежна для нашей страны?

Проблема культа и альтернативных возможностей в социалистическом строительстве требует перехода от публицистически гипотетических трактовок к систематическому конкретно-историческому исследованию на основе документальных материалов, доступ к которым еще закрыт для ученых.

Теперь о разделе рецензии «Великий герой». Сталин-«коммунистический тиран» предстает в учебном пособии как «с точки зрения государственности — великий герой, с точки зрения прав человека — душегуб и злодей», — отмечается в рецензии. Обратимся к историческому опыту народа. Иван IV, Петр I, несомненно, были государственниками. Иван IV (Грозный) боролся за централизацию страны. Была ли она прогрессивна и необходима? Да. А чем оплачена?. Смутным временем. Деятельность Петра I уже становилась предметом диссертации П. Милюкова, ученика В. Ключевского, который определяет ее себестоимость убылью более 15% населения. Строительство социализма в одной стране также оплачено огромными жертвами. Только Великая Отечественная война 1941–1945 гг. унесла 10% населения страны. Любая другая страна испытала бы национальный шок. Именно в это время США становятся богатейшей страной мира и закладывают фундамент в борьбе за однополярный мир, победив позднее в «холодной войне» СССР. Конечно, нет никакого оправдания жертв культа личности Сталина. Авторы учебного пособия этого и не делают. А какова себестоимость перехода к новому обществу после 1991 г.? Очевидно, что сбережение народа на достижение достойной цели могло бы стать нашей национальной идеей. Что касается понятия «сталинские преступления», то авторы учебного пособия, видимо, считают, что Сталин несет полную ответственность за все, что происходило во время его руководства страной. В рецензии отме-

чается, что авторы преувеличивают значение идеологических мер в 1930–1940 гг., как победы «национально-русской» позиции над «национально-нигилистической». А между тем из исторического опыта известно, какую огромную роль играет идеология в нашей стране, материализуясь в ратные и трудовые дела. В августе 1991 г. Россия принимает вызов времени без идеологии. Пока продолжались идеологические искания, глубокий духовный кризис поразил нашу страну, но никакое развитие невозможно при разрушении моральных приоритетов, т. к. нарушается принцип саморегуляции общества. Наши великие соотечественники А. Пушкин, Ф. Достоевский, Л. Толстой доказали, что именно нравственный закон обретает решающую силу в истории. История — коллективный дух народа, определяемый его идеалами. Государство ведомо духом и идеей, а общество определяется развитием идеологии. Создание сильного государства и проведение эффективной политики невозможно без представлений об общих идеалах, целях и ценностях общества. Глубокий социокультурный кризис поразил российское общество, именно поэтому и безмолвствует наш народ.

Заканчивается рецензия на учебное пособие разделом «Евреи, кругом одни евреи». В нем говорится, что в пособии А. Барсенкова и А. Вдовина педалируется национальный фактор в духе конспирологических, национал-социалистических теорий о вредной роли «инородцев» в истории России. Авторы явно озабочены «еврейским вопросом». Представляется, что это замечание несостоятельно. Как уже отмечалось, учебное пособие фактологическое, содержит много публицистики, отсюда и цитаты, цифры, которые приводятся в нем. Нельзя не согласиться с А. Вассерманом, «что касается данного конкретного учебника, то даже при беглом просмотре я обнаружил там немало неточностей и чисто стилистических погрешностей, которые, несомненно, стоило бы исправить. Но борьба идет как раз с той частью учебника, которую оспорить сколько-нибудь обоснованным образом в принципе

невозможно. То есть, насколько я понимаю, наших борцов вполне удовлетворил бы учебник сколь угодно низкого качества, лишь бы в нем было поменьше достоверных фактов»¹². В связи с этим интересно и мнение профессора А. Зубова, написавшего двухтомник «Россия. XX век» (М., 2009). Его учебное пособие — стопроцентная противоположность пособию А. Барсенкова и А. Вдовина. Оно написано с симпатией к «белым», а не к «красным». В его книге «коммунисты» захватили Россию, отсюда и национальная политика большевиков. Что же до евреев, то автор отмечает, что многие из них действительно разочаровались, что в 1920-е годы поддерживали советскую власть. Кто их осудит из нормальных людей? А. Барсенков с А. Вдовиным осудили, и за это получили. Мы же все то же самое написали в нашей книге, и никто нас не обвинил — ни чеченцы, ни еврейские общины, потому что мы объяснили причины. Но преследовать ученых за их книгу политическими методами, я считаю не хорошо и не прилично»¹³. С последним из замечаний профессора А. Зубова нельзя не согласиться. Вот только интересно, почему публицисты и историки безмолвствуют по данному учебному пособию? Однако можно понять, почему А. Солженицын в начале работы над ним дал согласие на участие в редакционном совете данного учебного пособия, а потом вышел из него.

А. Торкунов, академик РАН, ректор МГИМО, справедливо отмечает, что принимая во внимание уровень развития исторической науки, оставить сферу преподавания без всякого общественного регулирования представляется едва ли возможным. Необходимо определить новую российскую идентичность и создать государственную программу «История и российская идентичность». Это могло бы воспрепятствовать фальсификации истории и способствовать четкому определению национальной идентичности и реализации национальных интересов России.

¹² <<http://m-simonuan.livejournal.com/8364.html>>.

¹³ <<http://damian.ru/sound/2010-09-23e.wma>>.

Заключительное слово

С.С. Сулакшин

Уважаемые коллеги, позвольте подвести рабочие итоги круглого стола. Очень хорошо, что наш круглый стол удержался от стилистики и формы, предложенной Общественной палатой. Разговор шел не столько и не только об учебнике. Всем достаточно быстро стало понятно, что проекция ситуации взаимосвязана с проблемой вызовов гораздо более глобальных, чем эта история с учебником и с Общественной палатой. Вопрос не только о личной судьбе профессора Вдовина и его коллеги Барсенкова, сумеет ли университет отстоять их от «инквизиторских» атак» или нет — а о нашей стране в целом. Прозвучала, и не единожды, в ходе дискуссии мысль, и наиболее емко это сделал Сергей Георгиевич Карамурза, который выдвинул представление о том, что страна находится в состоянии войны, холодной гражданской войны. Я иногда позволяю себе усиливать это представление, выдвигая тезис, что страна как минимум находится в режиме колонии, а если судить еще строже — в режиме такого полуокупированного протектората. А в такой ситуации все средства допустимы. В пространстве науки допустимы гонения, в информационном пространстве допустима самая гротескная политическая цензура, прикрываемая словесами о демократии, о свободе слова. В этой ситуации возможны любые интеллектуальные расправы. И мы являемся свидетелями такого рода технологий. Поэтому очень важно, что голос сегодняшнего круглого стола в виде печатного и электронного продукта — это наш скромный вклад в движение сопротивления либеральной инквизиции. Я не думаю, что жизнь настолько проста, что она раскладывается по формуле: или в полицаи, или в партизаны. Все гораздо сложнее и апеллирует к очень многим тонким сторонам нашей жизни. Не только нашим, но и к сторонам жизни наших руководителей, пото-

му что одной краской их рисовать невозможно и недопустимо. Слишком сложен период жизни нашей страны.

И, наконец, хотел бы сверить с вами методологическую мысль. Часто такого рода дискуссии завершаются голосованием, резолюцией, призывом — «мы призываем, мы предупреждаем, мы предсказываем». Думаю, что не нужна такая резолюция. Наша дискуссия и материал, который рассчитан не на пропагандистский и психологический, информационный, манипулирующий эффект, а на зарождение мысли, сам сборник, сама дискуссия, сами ваши слова и тексты будут, мне кажется, достигать этой цели. Нам очень важно, чтобы сегодня в стране заработала мысль, апеллирующая к достоинству, апеллирующая к памяти предков, которая восстанавливает массовое самосознание русского народа, российского народонаселения, того самого большинства, которое, я в этом убежден, будет определять будущую судьбу и будущую историю России. Ее будут определять вовсе не те, кто сегодня применяет допустимые в условиях военного времени, но не допустимые в нормальных условиях приемы, гонения, удары, преследования и т. д. Спасибо всем за работу.

**Участники круглого стола
«Преподавание истории в России и политика»**

Александров-Деркаченко П.П., председатель редакционного совета журнала «Свободная мысль», председатель Русского исторического общества

Багдасарян В.Э., доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой Российского государственного университета туризма и сервиса

Вдовин А.И., доктор исторических наук, профессор Московского государственного университета им. М.Ю. Ломоносова

Журавлев В.В., доктор исторических наук, профессор Московского государственного областного университета

Иванова Р.М., кандидат исторических наук, доцент Национального исследовательского ядерного университета (МИФИ)

Кара-Мурза С.Г., доктор химических наук, главный научный сотрудник Института социально-политических исследований РАН

Маслов Д.В., доктор исторических наук, профессор Московского государственного индустриального университета (Сергиево-Посадский филиал)

Репников А.В., доктор исторических наук, профессор, главный специалист Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ)

Реснянский С.И., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой философии и культурологии Российского государственного университета туризма и сервиса

Сулакшин С.С., доктор физико-математических наук, доктор политических наук, профессор, генеральный директор Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования

Хорихин В.В., кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой социально-культурного сервиса Московского института юриспруденции

Шамир Исраэль Адам, писатель, Израиль

Приглашаем к сотрудничеству!

Центр проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования — современная динамично развивающаяся научно-экспертная и проектная организация. В Центре накоплен существенный практический опыт, кадровый потенциал и осуществляются не только фундаментальные разработки. Специалисты Центра успешно организуют и проводят научно-прикладные исследования и оказывают консалтинговые услуги в следующих сферах:

1. Разработка проектов нормативных правовых актов, в том числе концептуального, доктринального и программного характера, федерального, регионального и местного уровня.
2. Актуальное и проблемное информационно-аналитическое обеспечение деятельности руководства органов государственной власти, коммерческих организаций.
3. Управленческое и правовое консультирование по вопросам технического регулирования, разработка нормативных правовых и локальных актов в сфере технического регулирования.
4. Управленческое и правовое консультирование по вопросам интеллектуальной собственности, разработка нормативных правовых и локальных актов в сфере охраны интеллектуальной собственности.
5. Прикладные научные исследования в сфере экономики, права, управления.

Работы выполняются на основе собственных оригинальных методологий, пользуются спросом более чем в 20 странах мира.

Научный руководитель Центра — доктор политических наук В.И. Якунин.

Возглавляет Центр доктор физико-математических наук, доктор политических наук, профессор С.С. Сулакшин.

Центр заинтересован в творческих заказах, приглашает к сотрудничеству и партнерству.

Наш адрес:

107078, Москва, ул. Каланчевская, д. 15 (подъезд 1, этаж 5).

Тел./факс: (495) 981-57-03, 981-57-04, 981-57-09,

www.rusrand.ru; e-mail: frpc@cea.ru

Центр проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования при ООН РАН продолжает работу по развитию экспертного сообщества «Российский сетевой интеллект». Аналогом является известное экспертное сообщество ЦРУ США, возможностями которого широко пользуются официальные структуры американского государства.

Речь идет о сетевом интеллекте как о современном инструменте научного процесса.

Экспертное сообщество решает конкретные задачи: проводит анализ и дает прогноз развития социально-экономической и политической ситуаций в стране, участвует в инициативных проектах по актуальным и проблемным сторонам российской действительности (демографии, госуправления, экономики и т. п.).

На сегодняшний день в экспертное сообщество входят более 300 экспертов — представителей свыше 60 городов России, а также четырех стран постсоветского пространства и двух стран дальнего зарубежья; более 26% сообщества составляют доктора наук, 50% — кандидаты наук.

Наиболее важные научные продукты сообщества (например, экспертный доклад «Финансово-экономический кризис (истoki, развитие, прогноз)», <http://www.rusrand.ru/text/Otchet_FEK.pdf>) доводятся до руководства страны и фактически дают возможность передачи ему мнения независимых от политических и субординационных обстоятельств научных кругов. Единственный критерий передаваемых материалов — их научная достоверность. Это, на самом деле, пусть не очень большая, но реальная возможность гражданской самореализации для многих российских ученых, особенно из различных регионов страны.

Формирование единого экспертного сообщества является шагом к созданию реально функционирующей «фабрики мысли», концентрирующей национальный интеллект и соединяющей его с действующей властью.

Желающих принять участие в работе экспертного сообщества приглашаем зарегистрироваться в качестве эксперта на сайте: ***www.rusrand.ru***.

Сообщество строится по принципу «снежного кома». Вы можете порекомендовать в качестве экспертов известных Вам профессионалов в различных областях знаний.

Любые вопросы можно уточнить по e-mail: ***expert@rusrand.ru***.

Научное издание

Преподавание истории в России и политика

Материалы круглого стола

Ответственный за выпуск *О.А. Середкина*
Художественное оформление *С.Г. Абелина*
Корректор *М.Б. Почаева*
Компьютерная верстка *О.П. Максимовой*

Центр проблемного анализа
и государственно-управленческого проектирования

Наш адрес:
107078, Россия, г. Москва,
ул. Каланчевская, д. 15, подъезд 1, этаж 5
Тел./факс: (495) 981-57-03,
981-57-04, 981-57-09
E-mail: frpc@cea.ru
www.rusrand.ru

Сдано в набор 27.12.2010 г.
Подписано в печать 29.12.2010 г.
Формат 60×90^{1/16}. Усл. печ. л. 4,5.
Отпечатано в ООО «Типография Парадиз»
Тираж 500 экз. Заказ 000